

Людмила Сурова

ИСКУССТВО ВЕРИТЬ

Христианство и жизнь

Москва 2018

УДК 227.2-44
ББК86.372-67
ISBN 978-5-9908620-7-4
С 90

Целевая программа
Фонда поддержки некоммерческих изданий
Московской епархии

*На обложке использован офорт Рембрандта
«Положение во гроб. Ночная сцена». 1659 г.*

Сулова Л.В. Искусство верить. Христианство и жизнь.
Статьи 2010–2017 г. М. 2018. — 168 с.

ISBN 978-5-9908620-7-4

В книге известного православного педагога и писателя, бакалавра богословия, члена Союза писателей России Людмилы Суловой представлены статьи по актуальным вопросам современной христианской жизни и культуры. Освещены темы: основы житийной традиции, рецидивы языческого сознания, христианские образы в кино, искусство в воспитании юношества и др. Статьи затрагивают актуальные духовно-нравственные проблемы новой общественной среды, которая создалась в России в начале третьего тысячелетия. Материалы разные по жанрам: публицистические заметки, научно-аналитические исследования, доклады. Все они читались на различных конференциях, посвященных проблемам христианской культуры и жизни.

Книга актуальна и будет интересна многим, стремящимся воплотить христианские идеалы в жизнь.

©Сулова Л.В., 2018

ИСКУССТВО ВЕРИТЬ

О принципах современной агиографии. Духовно-исторический подход

Вечность Церкви, сопрягаясь со временем жизни, в каждую историческую эпоху оказывается перед стеной новых вопросов. Эти вопросы времени, а можно было бы вслед за Н. Пироговым сказать «вопросы жизни», не могут оставить нас равнодушными. Ведь именно в жизни здешней решается судьба Жизни Будущей, именно здесь, в плену времени, томится главное сокровище жизни, друг Божий — человек. Для него создан мир и ради его спасения принесена самая высокая Жертва.

Человек же всегда живет свое время, погружен в него, говорит на его языке. И чтобы быть услышанной, Церковь должна знать этот язык времени, знать, откуда человек испытывает давление, что его страшит, каков его жизненный опыт и личные впечатления, чему он доверяет?

Сегодняшнему человеку нелегко. В России он как на фронте, на передовой — бой идет смертный, жизнь разрушается, а врага не видно. Непонятно, кто за кого и с кем? Война ведется хитро. Но поражение налицо, одну за другой сдают высоты: это и наши идеалы, и соборные принципы жизнеустройства, и общинные навыки организации больших хозяйств, производства, и традиционные формы быта — все разрушено и оклеветано. Но самое невероятное, что никто ничего уже не защищает, демонтаж страны идет без сопротивления народа. Вот реальность сегодняшнего дня. Люди изверились: уныние, апатия — частые гости наших душ, а иногда и отча-

яние борет тех, кто видит, что происходит, и чувствует направление движения сил.

И вот, спросим себя, чего ждут люди сейчас, что ищут? Только правды. Какая-то смутная надежда на восстановление жизненного пространства связывается только с правдой. Именно слова правды ждут и от Церкви. И в трепещущем поле этого напряженного ожидания мы должны, должны говорить. Говорить, и действовать, и свидетельствовать о правде, которая одна и на небе, и на земле. И вся жизнь Церкви сегодня должна стать этим свидетельством правды для близкого к отчаянию человека. Не время сейчас риторическим поединкам богословских школ, отвлеченным построениям схоластов, эстетическим изыскам — празднословие преступно, преступно равнодушием к боли живого человека.

Вот в этом контексте мы и должны рассматривать все сегодняшние акты церковного бытия и, в первую очередь, конечно, составление и редакцию житий. И здесь перед нами стоит сейчас не только агиографическая задача, но и экклесиологическая — соби́рание камней живых, и антропологическая — укрепление духа человека.

Вообще житие — жанр, как известно, сложный и в церковной традиции претерпевший значительные изменения. Начинались жития с мартирологов, кратких описаний мученичества. Синаксарные жития, то есть те, которые читали в церкви в память о святом, были краткими и содержали лишь основные факты подвига. Не было задачи описывать личность святого, надо было свидетельствовать о его трудах и муках.

Затем идет эпоха панегириков, похвальных посмертных слов, где свидетельства праведной жизни и

служения переплетаются с пафосом восхваления тех, кто принял мученичество ради Христа. Риторические фигуры наполняют такие жития словесными красотоми, как орнаментами, художество и языковые приемы средневековья местами сближают эти жития с поэтическими гимнами и одами.

Наряду с панегириками в это время появляются и исторические свидетельства о святых, их находим в книгах средневековых историков (Созомена, Сократа Схоластика и др.), там в историческом контексте представлены и все сведения о святых, которые удалось собрать, рассказы и пересказы.

В эпоху ранней Византии находим и апологетические свидетельства учеников и сподвижников святых, где жизнеописание сопрягается с горячей проповедью христианства. Таков «Лавсаик» Палладия, епископа Еленопольского, и его же «Диалоги с Феодором, римским диаконом» — первое житие свт. Иоанна Златоуста. Это V век.

Но вот что интересно, уже в IX веке возникает житие Златоуста, написанное Георгием Александрийским, которое наполнено какими-то совершенно новыми, неизвестно откуда взявшимися фактами жизни святого, перемежающимися пышными похвалами его окружению и церковной проповедью. Факты эти начинают кочевать из одной редакции житий в другую — и, преподанные с риторическим пафосом, создают новый, мифологический, контекст жизни святого.

А со времен «Житий» византийского агиографа Симеона Метафраста (X в.) агиографические легенды становятся нормой церковной литературы и выводят жанр житий из области подлинных духовно-исторических свидетельств в область преданий, а точнее, сказаний.

К тому же панегирические приемы древних риториков в византийской словесности создали ряды универсальных образов-тропов, общих для всех житий образных чудесных эпизодов, призванных свидетельствовать силу веры и высоту подвига святого, правда, часто вне конкретных исторических и личных обстоятельств. Троп в чем-то и опасен: он есть некий духовный штамп, словесная фигура, значение слов в которой не читается и не воспринимается в их первородном смысле. Риторическая фигура и образный троп ослабляют веру в слово, затушевывают правду смысла. Эти орнаментальные элементы житий не являются духовно правдивыми и необходимыми, но привлекают внимание читателей пышностью формы и прививают вкус к высокопарности, красноговорию и отвлекают от главного в жизни святого — верности Христу, стремлению соблюдать Его заповеди, растить в сердце любовь.

Русская житийная традиция полностью восприняла формы церковной словесности, сложившиеся в Византии, и стала развиваться в том же направлении, насыщая содержание новых редакций житий художественными образами, обогащенными элементами национальной культуры и языка.

Великие Четьи-Минеи свт. Макария Московского в житийных повествованиях о святых Древней Церкви все опираются на Метафраста. Они сохранили множество тропов с высокой риторикой, правда факта и в переводных, и в отредактированных древних житиях не проверялась. Новые жития русских святых слагались более аскетично, но по той же схеме.

Жития свт. Димитрия Ростовского развивают форму житий в направлении художественно оформленного драматического повествования. Святитель любил

театральное действие и был увлечен короткими пьесами-драмами, которые разыгрывались по большим церковным праздникам в польских костелах. Видел он подобные представления о святых и в Литве, и в Юго-Западной Руси, которая испытывала большое влияние Польши. Эти нравоучительные интермедии вдохновляли будущего святителя, и свои редакции житий он строил также в виде пьес, развернутого драматического повествования.

Русские жития святых, изданные в конце XIX века, в основу которых положены Жития свт. Димитрия Ростовского, можно сказать, закрепили, узаконили указанные выше особенности русского житийного жанра. Жития стали писаться и восприниматься не как свидетельства о подвигах святых, а как апологетические панегирики, помещенные в контекст исторического предания, и потому житие стало невозможно рассматривать как строгий исторический источник. Ключевский предупреждает, что исследователь, желая выявить историческую правду, должен сопоставлять многие свидетельства и различные косвенные доказательства и не опираться на тропы¹.

Для читателя же, ищущего духовной пользы, возникает другая опасность: соблазн пышного мумифицирования самого жанра житий отвлекает от правды жизни. К тому же агиографические легенды при ретрансляции, как правило, накапливают ошибки, и при определенном их количестве текст центруется уже не вокруг конкретной исторической личности святого, а дробится на описание частных случаев его реальной или приписываемой ему жизни. А это входит в противоречие с ос-

¹ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1989. Репринт с издания 1871 г.

новой задачей жития — свидетельствовать путь святого в Церкви, раскрывая в той или иной степени его личный подвиг.

Особенно это стало понятно, когда возникла необходимость свидетельствовать святость новых святых, живших рядом со всеми и оставивших в памяти людской свой живой след.

Собиранием сведений о новых святых и о фактах церковных чудес и знамений занимались многие. Важен опыт Е. Н. Поселянина (Погожева), причисленного ныне к лику святых новомучеников, отраженный в его книгах о подвижниках благочестия². Автор уже понимает необходимость сопряжения исторической правды с духовным и личностным — не хочется говорить психологическим — портретом подвижников. Одновременно с составлением новых жизнеописаний автор представил и свои редакции уже известных житий, где была совершена попытка освободить повествование от излишней риторики, уменьшить количество тропов и панегирических элементов. Труды эти чрезвычайно важны и послужили многим исследователям новейшей истории Церкви, но глубокого научного исследования фактов в этой замечательной работе не было совершено.

В XX веке вопрос развития агиографической традиции и самого житийного жанра встал очень остро. Это было продиктовано самим временем, растущим самосознанием народа, его стремлением к образованию. Земская школа, реальные училища, гимназии — по-раз-

² Поселянин Е. Русская Церковь и Русские подвижники XVIII века. 1905. Репринт, Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1991; Русские подвижники благочестия XIX века. СПб.: Изд. И.П. Тузова, 1910. Репринт Синтагма, 1996 г.

ному, но все развивали ум юношества. Начетнической грамотности уже не хватало, развитие науки, производства воспитывало критичность восприятия. Опыт этой новой естественнонаучной жизни соприкасался с опытом крестьянского и заводского труда и рождал новый подход к самому процессу мышления, можно сказать даже, менялась его форма, она становилась более разветвленной, дифференцированной, требующей если не доказательств, то стройных связей, целостной картины мира. Созерцание, свойственное русскому уму, приобретало новые аналитические и поэтические связи, ранее не волновавшие людей в массе. Теперь не только чудеса святых влекли к себе людей, но сам образ подвижника, его личность, противостоящая молочу мира, притягивала жаждущие правды души. Эти новые внутренние запросы времени создали и свои образцы.

Смена эпох или, как говорили в то время, «смена век» не пресекла этой работы над новой концепцией агиографии, но лишь переместила деятелей на другие территории. Русская эмиграция в тоске по России и понесла эти благие труды по агиографии.

Наверное, самой волнующей и духовно потребной стала книга Владимира Николаевича Ильина «Преподобный Серафим Саровский»³. Книга закончена и опубликована в Париже в 1925 г. Автор определил жанр своего повествования как трактат. Книга не только создает близкий нам образ прп. Серафима, она полна любви, найдены драгоценные слова, позволяющие соединить правду образа и благоговение перед святостью. Но главное, что раскрыто дело святого, его наследие, его заветы. Для нашей духовной жизни они, может быть,

³ Ильин В.Н. Преподобный Серафим Саровский. Трактат. М.: Лепта, 2003.

даже и важнее, так как содержат глубокие наставления, которым не просто веришь, за которые безмерно благодарит сердце читателя.

Но надо сказать, что это не массовое чтение, не народная библиотека. Хотя в серии с таким названием выходили и серьезные книги. И все-таки Ильин ориентировался на культурную среду, и когда его книга пришла в Россию, такая среда была готова. Образованные прихожане, а таких было большинство в 90-е годы, с восторгом приняли этот труд. Как, впрочем, и другие книги Владимира Ильина: «Эссе о Русской культуре», «Пояснение служб Страстной седмицы» и др. Представители русского религиозного возрождения начала XX века встретились со своими читателями в 90-х годах, и это была большая духовная радость.

Именно радость вызвала и книга Георгия Федотова «Святые Древней Руси»⁴, также написанная и опубликованная в Париже в 1931 г., его же «Митрополит московский Филипп». Из этой же группы можно назвать книги Константина Зайцева «Алексей Божий человек» (1925 г.), «Преподобный Сергей Радонежский» (1925 г.).

Но, пожалуй, самым значительным явлением в истории русского богословия первой половины XX века нужно считать работы прот. Георгия Флоровского⁵. Его книги «Отцы IV века», «Отцы VIII века», «Пути русского богословия», исследования о египетских подвижниках явили принципиально новый подход к изучению и

⁴ Георгий Федотов. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1991.

⁵ Прот. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: YMCA-Press, 1981; Восточные отцы IV века. Париж, 1931. Репр. М.: Паломник, 1992; Восточные отцы V–VIII века. Париж, 1931. Репр. М.: Паломник, 1992; Догмат и история. М.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1998; Христианство и цивилизация. Избранные труды по богословию и философии. СПб.: РХГА, 2005.

приобщению современных людей к жизни и творениям святых отцов. Можно ли назвать этот подход агиографическим, житийным? Да, но это — агиография нового времени, она опирается не на чудеса, совершенные святым, а стремится показать его личность в целом, определить значение его пути для всей Церкви.

В трудах Флоровского на первом месте всегда духовная значимость явления, всё рассматривается именно в этой системе координат. Богословие нового времени не отрицает науку и ее методы, духовное сопрягается здесь с четкой структурно-исторической и культурной составляющей, это и дает возможность создать живой бытийственный контекст и избежать мифологизации.

В своих книгах об отцах IV и VIII веков Флоровскому удалось создать целую галерею святых образов, которые принадлежат и Вечности, и историческому пространству-времени. Образы святых как будто вылеплены словом, правдивым и точным, но не стремящимся открыть все тайны личной жизни. У Флоровского найдена удивительная соразмерность трезвости и полноты, достаточной для того, чтобы мы чувствовали живых людей. Он, прежде всего, историк, но, обращаясь к истории Церкви, на первом плане видит галерею ее деятелей. И эта живая история движения Духа Божия вводит нас в Церковное Предание не как в свод легенд, а как в реальное духовное пространство, созданное Духом Божиим и поддерживаемое сердечным огнем реальных живых людей, призванных к служению и понесших эти святые труды подвига.

Можно было бы даже сказать, что объектом духовно-исторического исследования у Флоровского является сам феномен Церкви, а не отдельные личности святых и не святых ее членов. В своей книге «Пути русского

богословия» Флоровскому удалось в обзоре всего пространства русской духовной культуры, истории, литературы фоном дать абрис домостроительства Божиего, попечения о земле и ее народе.

Флоровский воспитал многих, и, конечно, его влияние на агиографические принципы было большим. Духовно-исторический метод, позволивший Флоровскому по-новому, более критично и объемно взглянуть на путь святых, начал новый этап в развитии жанров агиографии: современный человек получил возможность «увидеть» святого не в ореоле легенд и преданий, а в живых обстоятельствах его жизни, его эпохи и реальной жизни поместной церкви в этот период. Переоценить такой подход трудно, он вернул в Церковь интеллигенцию и те культурные слои общества, которые задыхались в узких рамках агиографических мифов и легенд. Это обновление было этапом подлинного развития духовного сознания русского Православия, и в союзе с русской религиозной философией начала XX века дало возможность настоящего религиозного возрождения русской духовной культуры.

Об этом уже много написано, нам важно помнить, что этот духовно-исторический подход был истинным движением единения жизни и веры и дал множественные образцы, которые должны служить нам путеводными вехами. Это была работа целого поколения, которое, будучи отлучено от родной земли, стало усиленно искать путей возвращения в Родную Церковь — и нашло их. Налицо была попытка преодоления многовекового кризиса схоластики, оживление и развитие церковного житийного жанра, столь потребного русскому духу.

Нельзя не сказать и о неудачных или, точнее, спорных опытах. К таковым, думается, надо отнести книгу

о. Всеволода Рошко о прп. Серафиме Саровском, писавшуюся в середине века и изданную в конце 60-х. Стремление к исторической точности притом, что материалы о жизни святого ограничены, порой подталкивали автора к преувеличению значений отдельных фактов. Но духовно-исторический принцип требует не равновесия, а верного баланса: значимое и случайное не могут быть уравнены в правах, и если исторически они имели место быть, то их духовное бытие различно: одни становятся достоянием всей Церкви, другие остаются во времени и законно забываются. Только ревизионистские потуги могут достать их из-под спуда на время, чтобы потрясти перед смущенной публикой в каких-то нечистых целях. Но духовной силы частное не имеет, и потому продолжение за ним невозможно — нет пути. Впрочем, книга о. Всеволода Рошко не была закончена им самим, он всё время ее совершенствовал и так и не поставил точку.

В начале XX века меняется и патристический метод, который тесно связан с агиографией: всё стремится к цельности, ищет системного подхода, подлинного живого диалога с людьми, и лучшие образцы ложатся в фундамент нового русского богословия.

Но ошибочно было бы присваивать это только эмиграции. Духовно-исторический подход, подготовленный всем развитием мировой науки, распространялся всюду, он требовал трезвости и критического анализа обстоятельств и фактов, осмысления всего культурного контекста эпохи, и работа эта прикровенно шла и в России. Здесь, в связи со стремительным развитием науки, были созданы замечательные апологетические произведения. Очень важна для нас книга Н.Н. Фиолетова «Христианская апологетика». Необходимо назвать книгу прот. Николая Иванова «И сказал Бог», где дан поиск

тине новый филологический, а точнее духовно-филологический анализ священного текста Библии, ее первых книг. Много, много духовно ценных плодов созрело в недрах русского сознания в XX веке.

Живое богословие — так можно было бы назвать всё это движение воссоединения накопленных научных сил жизни с ее духовным путеводным словом. После долгой эпохи схоластики и «успокоения», примирения с мирскими законами жизни это было подлинным и бескомпромиссным возвращением в родной дом традиции — Церковного Предания. Было преодолено серьезнейшее препятствие на этом пути: богословская мысль, умножившаяся и расцветшая во множестве образцов, показала и утвердила (невозможно сказать — доказала), что **возвращение к традиции есть не воспроизведение прежних форм жизни, а следование духу истины, верность главным, основополагающим ее началам.**

Было открыто и еще одно чрезвычайно важное для всей нашей церковной жизни положение, а точнее правило: **следование традиции неукоснительно требует обновления форм, окостенение формы ведет к отходу от глубины религиозной жизни, от ее вечно обновляющегося и обновляемого потока.** Окаменевшая форма удобна для обывателя, она не требует живого труда сердца, не создает, не творит жизнь. Найденное отцами принадлежит их эпохе, последующие поколения должны развить, продолжить это наследие, а не эксплуатировать его, что невольно приводит к мумификации. Традиция не есть повторение формы, но развитие ее при сохранении единого духа.

Вот с такими итогами мы подошли к новому этапу в истории России, который сейчас принято называть

демократизацией. Он же характеризуется массовым приходом людей в церковь, потому иногда этот период 90-х называют «вторым крещением Руси», «духовным возрождением народа». Действительно, открылись храмы, стала доступна духовная литература, религиозные убеждения не преследовались. Но это всё признаки внешние. Духовное возрождение — процесс внутренних, это не только интерес к Церкви, но следование сознательно принятым духовным законам, осветившим жизнь новым светом, и, главное, — живое чувство Бога. Русское же общество в конце XX века пережило не религиозное возрождение, а правильнее сказать — некий «религиозный бум», который «подогрел» интерес к духовному и «запустил» массовое обращение. Но каким бы путем ни пришел человек в Церковь, он пришел к Истине, и она открывается ему, укрепляя его дух и подводя прочный фундамент под мировоззрение. Многие действительно почувствовали, что вернулись в отчий дом. Но все-таки обращение даже многих людей еще нельзя назвать духовным возрождением народа, внутренние процессы идут медленно — всё должно накопиться, созреть и только тогда даст свой плод, по которому и скажем, что было.

Первое религиозное возрождение начала XX века, о котором мы говорили, принесло бесценные плоды в виде нового духовно-научного мышления и множества книг русской религиозной философии и нового русского богословия. Литература эта распространялась по всему миру, оплодотворяя его русской мыслью. Просачивалась и усваивалась она и университетскими кругами советской России, одухотворяя ее культуру и через нее сохраняя живую связь с церковным Преданием.

Пожалуй, можно выделить некоторую периодизацию в процессе этого духовного просвещения России в последней трети XX и начале XXI века:

1970–1991 гг. — усвоение образованными слоями общества духовно-религиозного языка нового русского богословия через труды русских религиозных философов, которых искали, доставали, передавали друг другу, и таким полуконспиративным образом шло христианское духовное образование. Формирование духовного научного мировоззрения в кругах культурной элиты общества (всего один пример: религиозно-символический фильм Золтана Фабри «Пятая печать» на Московском кинофестивале в 1970 г. получил Золотую медаль).

1991–1996 гг. — смена строя страны. Новое отношение власти и народа. Массовый приход людей в храмы, множественные духовные издания, встреча со святоотеческим богословием. «Сшибка» веры и жизни. Разрушение жизненного пространства страны, попытка внедрения духовных основ в мировоззрение людей одновременно с новыми «рыночными ценностями».

1997–2002 гг. — борьба веры и жизни. Попытка создания научной православной школы и воцерковления культуры. Наступление олигархического капитализма, диктат силы. Сдача позиций христианского сопротивления. Отход от духовной ответственности за жизнь.

2003 г. — по настоящее время — постепенная формализация и одновременно вульгаризация духовного знания и отход от принципов христианского бытия. Мифологизация христианского учения. Разгром общеобразовательной школы. Разделение общества. Опрошение. Богоборчество как образ жизни. Возврат к схоластическим принципам в богословии. Медленное сползание народной веры в средневековый магизм.

Данная попытка периодизации более чем эскизна и условна, но важно понять, что за четверть века мы стремительно прожили несколько совершенно разных жизненных периодов, и в каждый период Церковь искала своих путей диалога с жизнью. И диалог этот менялся коренным образом, так как менялся человек, его место в жизни, его язык, его представления. Из образованного общества конца 90-х масса людей, что говорить, превратилась в капризных обывателей, внутренне не готовых к жертве и стремящихся лишь к потребительству и комфорту. Вот враг, которого впустили в святая святых души человека. И что выдворит его оттуда, кто даст бой, какой образ сможет разбить этого всё заслонившего раба мамоны?

Но вернемся к нашей теме. Агиография в эти периоды религиозного обращения России также меняла свои методы и свой язык диалога. На первом этапе шло накопление, но уже на втором появилось много хороших изданий и разработок, отметим лишь знаковые. Таков объемный двухтомник «Жития русских святых», изданный в 2000 г. первоначально в Тутаеве (Романов-Борисоглебск) под редакцией тогда прот. Николая Лихоманова, ныне епископа Рыбинского и Даниловского Вениамина. Здесь представлено много житий в новой краткой редакции. Там же содержатся и жизнеописания подвижников, еще не причисленных к лику святых. Форма этих повествований краткая, язык сухой, включающий и канцеляризм, но очевидно стремление к свидетельству духовной правды.

Можно назвать и другие труды в этой области, например, жития новомучеников, составленные игуменом Дамаскином (Орловским). Правда, не заметить некоторую политизацию издания уже невозможно.

Хочется также указать на отдельный очень изящный по композиции и языку опыт жития Феодора Томского (сост. игуменом Силуаном (Вьюровым), ныне епископ Колпашевский и Стрежевской). Он также был выпущен на рубеже веков. Духовно-исторический подход к составлению житий новых святых открывал исследователям новый путь, примиряющий противоречия времени и вечности. Агиографическое творчество, совершаясь, требовало целостного осмысления Церковного Предания, а для новых свидетельств заставляло выбирать и новый ракурс повествования, чтобы воплощение новой языковой формы было верно отцентровано и имело притяжение к сегодняшней жизни, а не представляло очередным оживленным музейным экспонатом.

В этот начальный период всеобщего обращения как-то само собой всем было ясно, что Церковь живет и нами тоже. Множится сонм святых, и мы вдохновляемся этими подвигами. Именно мы — центр, мы сегодняшние, к нам обращены все дары Церкви, в том числе и память святых. Мерилом при составлении жития была не только точность воспоминаний (всякие воспоминания субъективны), а духовная потребность сегодняшнего человека. То есть переиначивать, конечно, агиографы ничего не могли, но акцентировали из имеющихся фактов те, которые, как они чувствовали, действительно **НУЖНЫ** сегодняшнему человеку.

В общем, в начале 90-х работа духовного просвещения закипела: все читали хорошие книги, которые издавались массовыми тиражами, усваивались принципы диалога духовно-исторического метода нового богословия. Что было доступно немногим, открывалось массовому читателю, и он, надо заметить к его чести, ждал, точнее, жаждал этого.

Но время это на удивление быстро прошло. Разрушение всего нашего жизнеустройства, которое понесла Россия, не могло не дать своих разрушительных результатов в организме народа. Слом всех государственных механизмов, на которых стояла наша жизнь, уничтожение промышленности, сельскохозяйственного производства, общей системной школы привели к социальной и духовной катастрофе. В прессе стали осмеиваться традиционные идеалы народа и пропагандироваться то, что ранее публично порицалось. Бесконтрольная развращающая медиапродукция призывала к всеобщей погоне за выгодой во всём. Народ стал презираем и оказался оттеснен и сбит с толку. (В одной анкете на вопрос, в чем основная проблема современной России, один педагог прямо ответил: одичание!)

Действительно, миллионы людей разом выбросило из их привычной трудовой производственной жизни и обратило к поиску более простых форм существования. Выживание не воспитывало взыскательность, не требовало ни культуры, ни чести; можно было сколько угодно призывать к исканию высот (так называлась одна наша книга), а люди все больше и больше держались за землю, обращали свои сердца и очи долу. Всё это убило те ростки духовного обновления, которые, казалось, расцвели в Церкви, но были спалены реальным огнем хитрых войн, бесконечной политической говорильни и, главное, стремительно распространяющейся разрухой, к которой мы больше и больше привыкали.

Мы должны констатировать не только факт снижения образованности русского общества в начале нового тысячелетия, но общий интеллектуальный и нравственный упадок, ослабление самой мыслительной способности к масштабному охвату событий и фактов,

какое-то массовое опошление жизни и культуры. Исчез умный свободный читатель. И духовная литература русского религиозного возрождения, которая не знала конъюнктуры, популизма, упрощенности, ей будто была сделана прививка против пошлости, — эта духовная литература, оросив огромные пространства, оказалась нечитаемой, река вдруг ушла под землю.

Богословие стало уделом немногочисленных профи, практически оно никак не связывается теперь с народом и его нуждами, а народ, сползающий на периферии в средневековый быт, а в немногих центрах цивилизации — в преступную сытость и обывательщину, оказался отлученным от своих же вершин и достижений и ищет теперь простого выражения первейших своих нужд. Вот какова реальность. Глубина этого духовного, именно духовного интеллектуального кризиса, а вместе и кризиса нравственного, и эмоционального — пугающе велика. Наследие, которое мы уже имеем, пришлось «сархивировать», так как на этом языке говорят теперь немногочисленные избранные, массовое же сознание травмировано настолько, что адекватно уже не воспринимает и большинство школьных образов классической культуры, в которых нашла отражение душа нашего народа. Сами себе становимся чужими.

Отречение от высот не прошло бесследно. Свято место оказалось востребовано для **новой мифологии**, которая стала разрастаться в культуре и воевать с правдой. Но важно понять, что мифология эта и потребность в ней возникли не в здоровом общественном организме, а в раздавленном, деформированном, демонтированном. Одна из самых глубоких книг о катастрофе нынешней России так и называется — «Де-

монтаж народа»⁶. А современная социология выдвигает уже новые определения сегодняшней жизни: демонтаж общества, распад связей, соединяющих людей, отказ от естественной эмоциональной мотивации поступков.

Но относится ли всё это к нашей теме? Безусловно! Все перечисленные и неназванные явления общественного распада можно охарактеризовать как разрыв традиции: культурной, духовной, интеллектуальной. Церковь же стоит в мире и обращается к человеку, открывая ему золотые врата Священного Предания, но беда в том, что человеком, отвергнувшим традицию, Предание не может быть воспринято как целостный образ жизни, он будет дробить его и выбирать, что ему подходит. Потребительство — враг Церкви, человек, принявший его как философию жизни, — тихий богорец, разрушающий вокруг себя всё живое, любящее, горящее. Чего он ищет в жизни? Комфорта. А чего ждет он от Церкви? Тоже комфорта, но душевного.

Изменилась мотивация прихода человека в Церковь. Сейчас идут не искать ответы на «проклятые вопросы», как было раньше, а приспособиться к новой жизни, получить простой ответ на щекотливый вопрос, часто — чтобы заглушить голос собственной совести, и редко когда — чтобы научиться служить, жертвовать, любить. Жизнь учит одному, а Бог — другому! Народ сдал свои высоты и восстал на свои духовные потребности, и в святости сейчас любит не Бога, а убожество.

И вот здесь мы подошли к очень непростой проблеме. Слово о святом обращено к человеку, к живому человеку. Но прежде чем дать ему это сокровище, сегодняшнего человека надо вернуть к жизни! Вот новая первостепенная задача. Она потребует анализа

⁶ Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2007.

сегодняшних нравов и представлений людей, трезвых и непредвзятых оценок. Но ни на минуту нельзя забывать, что мы всё еще пребываем в периоде социальной катастрофы, которая длится уже четверть века, ломая и ломая русскую жизнь, русского человека, русский ум.

И как же изменилось за последние 10–15 лет народное понимание святости! Мы повернули, кажется, к каким-то простонародным средневековым представлениям. В древних житиях факт существовал в определенных исторических обстоятельствах, и немыслимо было переместить его в иное пространство, система координат включала и факты жизни, и людей. Нерасчлененность исторического пространства не давала возможности никакого анализа.

Научное мировоззрение, которое начинает распространяться с XVII века, медленно изменяет и народное сознание: возникает возможность освободить факт от его родных обстоятельств, как бы «вынуть» его из материнской утробы пространства-времени и спроецировать его в другие обстоятельства, «примерить» на других людей. В средневековье качество неотъемлемо принадлежит предмету, а научный, духовно-исторический подход всё приносит к ногам человека и вызывает желание «вырастить» то или иное качество в новых обстоятельствах. Но когда от научного мышления поворачивают вспять, идет намеренная примитивизация сознания, начинают нравиться только грубые формы.

В этом есть огромная опасность. Ведь массовое сознание хватается за псевдодуховность, соблазняется именно ее образами. За должное будут приняты не труды любви, восхождения, служения — а понятное! Да, да! Примитивизация сознания избирает себе подобное, анализ условий и обстоятельств почти исключается.

Подлинный духовный опыт не так-то легко увидеть, его надо еще отделить от обстоятельств. А произойдет, скорее всего, обратное: понятные обстоятельства будут восприняты как условия святости или, что еще страшнее, как сама святость.

Педагогическая функция в этих обстоятельствах — **не давать то, что будет схвачено на лету и затмит собой всё**. Не предлагать то, что ждут. Уход от конъюнктуры, от популизма. Не привлекать внимания к суетному, внешнему, мирскому. (А сколько сейчас такого! Издано великое множество книг, описывающих духовную жизнь подвижников с чисто внешней стороны, — успех у обывателя обеспечен, особенно у нецерковной публики!)

Нет, внешнее должно быть в тех рамках необходимых и достаточных условий, чтобы действие, поступок и мысль находились не в безвоздушном пространстве. Основное внимание должно быть к духовной брани святого. А она невидима, есть только ее едва различимые следы. Вот главное в житии! Следы незримого могут быть уточнены по изменению пространства, окружения, по вражьиим нападкам и пр. Различить эти следы брани можно только духом, будучи самому причастным тому единому Духу, который изливает Церковь на своих чад. Но это требует переориентации восприятия. Надо освободить свое восприятие от ярких образов внешней жизни, тогда, может быть, станут слышны направление движения жизни, косвенные признаки меры и напряжения. Внимание агиографа должно быть направлено к внутреннему, не свершившемуся, а движущемуся.

Описание внешних, «тематических» так сказать, обстоятельств есть описание одежды святого, а она духовного значения не имеет, да и бывает разной. Иоанн Кронштадтский любил шелковые и бархатные рясы,

а преподобный Сергей ходил в рванье. Свт. Иоанн Шанхайский, будучи епископом, носил штилеты на босу ногу и был всегда нечёсан, но похоже, что это была воспитательная мера против стремления к комфорту европейской и американской паствы, а не собственные аскетические упражнения.

Действительно, описание внешней жизни, поведения и привычек святого, его природных качеств и склонностей не приближают нас к святости. И нет какого-то общего образа святого, которому можно было бы подражать. Горячий человек быстр и может прикрикнуть, слабый вял в общении — и в святости такими они и останутся. Не удастся установить причинно-следственных связей между поступком, образом святого и его духом. Аскеза, мы должны это понимать, — только ограничение внешней жизни, но она не гарантирует роста внутреннего. Столь разнообразен духовный опыт подвижников, что нет возможности установить единой зависимости, можно только предположить необходимые условия, но по-настоящему важны не они. Поэтому смещение акцентов в сторону описания внешней аскезы, как и всего другого внешнего, опасно: частное предстанет как всеобщее, а периферийное окажется в центре. Соблюдение иерархии духовных ценностей при составлении житий — первостепенная задача.

Всё написанное здесь в первую очередь относится к составлению жития старца Павла Таганрогского.

Работа над текстом жития уже совершается временем: строго читаются уже составленные жизнеописания, сопоставляются воспоминания очевидцев, обрабатываются собранные документы. Этот критический анализ необходим, чтобы материал очистился от преданий молвы.

Ведь первое, что мы должны помнить, — это то, что субъективность и непреднамеренная искаженность воспоминаний всегда присутствует в живых свидетельствах. Попытка сверить факт и рассказ о нем дает иногда очень резкие отличия. Так, при оценке некоего события один из свидетелей-очевидцев так и сказал: факт «подкрашен», чтобы ярче и лучше смотрелось. Я там присутствовал лично — всё было по-другому! Такие слова часто приходится слышать. Но это не злой умысел, а произвольный порыв человека, стремление выразить в происшедшем что-то близкое себе. Отсюда и возникла у людей практика при любом разбирательстве, восстановлении исторической и житейской правды слушать разные стороны, разных свидетелей одного и того же события.

И в нашем случае, чтобы не творить вредных мифов, надо произвести селекцию, строгий отбор засвидетельствованных фактов, оценок и, что немаловажно, действующих героев. Принцип отбора, как уже неоднократно говорилось, — духовная необходимость нашего времени.

После же первичного отбора фактов необходима их какая-никакая духовная «проверка» на то, имеет ли этот опыт всеобщее, всецерковное духовное значение, не представляет ли он собой частный случай, не станет ли своей исключительностью соблазном для слабых душ, желающих властвовать, стремящихся утвердиться за счет другого? Вот вопрос, который должен заставить нас быть духовно бдительными.

И второе, также чрезвычайно важное духовное положение: не в каждом поступке святой свят! Ведь многое из того, что изложено в жизнеописании, просто отталкивает (таскание за волосы женщин, сначала кормление икрой, затем принуждение к молитве и пр.).

Почему были такие факты? Или почему именно это запомнили насельницы общины? Почему так рассказывают о своем унижении? Действительно ли этот опыт (если он все-таки был) имеет такое большое значение для нас сегодня?

Думаю, нет. Народное воспитание, а старец Павел, насколько я почувствовала, был призван именно к этому, зависит от состояния народа, даже более точно — от того конкретного человека, с которым сегодня общаемся. Нет объективных методов, они рождаются в процессе общения учителя и ученика. Православная педагогика, как мне неоднократно приходилось уже говорить, — это сам педагог, чувствующий и любящий ученика, открывающий ему дорогу к Богу. Как? Да, каждому по-разному, и в разное время — по-разному. И действия старца Павла могут быть правильно осмыслены нами, только если понять, какой народ его окружал.

И, наконец, третье. Почему все-таки энциклопедический и юридический подходы в житиях нехороши? Они не могут открыть главного: духовное — незримо. Да и научный, исторический подход также не может считаться достаточным, так как многие факты взяты из одного источника, нет возможности сопоставления, достоверного анализа. Правда, с учетом новой методологии «реставрирования пустот», которую применяли к средневековым текстам, можно дать реконструкцию образа и жизненного пути святого — но это опять будет **внешний путь и внешний образ**. А у святого всё главное — внутри. И оно от нас все-таки закрыто. Мы НЕ ЗНАЕМ внутренней жизни святого. И не стоит горевать об этом и придумывать ее самим.

Вот один значимый эпизод из истории нашей церкви. На похоронах патриарха Пимена в 1990 г. кто-то

из высокопоставленных лиц, кому приходилось часто общаться со Святейшим, сказал: «Его духовная жизнь была покрыта глубокой тайной». Многие слышали эти слова своими ушами и были несказанно поражены. Сегодня это удивило бы нас еще больше, так как на дворе — время невиданного разгула публичности. Оно проявляется во всем: даже то, что естественно сокрыто от чужих глаз, по первому требованию открывается с легкостью и бесстрашием. Все время происходит вскрытие тайны, а она не может быть вот так вынута на всеобщее обозрение и просто ускользает, и тогда ее подменяют своими рассуждениями, образами и пр. Делать этого нельзя: закрытые страницы в житии святого — норма, они не просто правомочны, но и чрезвычайно важны. Наоборот, надо понемногу приручать читателя к этой необходимой закрытости души, она — сокровенная форма бытия духа.

И еще одно методологическое замечание. Для современного жития, пожалуй, более всего подходит метод комментария и введения в Предание. Именно полифонический жанр комментария поможет воссоздать мозаичный бытийственный контекст и дух эпохи. И тогда, возможно, опыт этой общины, этой народной школы духовной жизни станет чуть-чуть более понятен нам.

Но это большая работа. Возможно, она и будет когда-то совершена, и в результате возникнет не только жизнеописание старца Павла, но и история рожденной им общины.

Полнота же исторического контекста может и должна быть достигнута через привлечение других исторических и духовных источников. Это создаст не только необходимый фон для описываемого явления, но и придаст ему крепость духовно-бытийного факта, так

как теперь уже факты жизни старца Павла, создание и бытие его христианской общины будут связаны со всей традицией Русской Церкви, с опытом других христианских общин и старческого руководства. И только в этом образе житие может стать частью нашей церковной жизни.

Хотелось бы привести еще несколько источников, которые, думается, могут служить ориентирами в этой работе. Первое — это «Монастырские письма» архимандрита Антония (Медведева)⁷, 40 лет бывшего игуменом Троице-Сергиевой лавры. Письма вышли в конце XIX века и представляют собой сведения о чудесах, происходивших от мощей. Старое издание книги содержит уникальное предисловие, которое раскрывает глубины духовного опыта автора, который весь ориентирован на служение человеку. Отбор фактов и, главное, интонация повествования этой небольшой книги таковы, что делают ее при внимательном чтении учебником духовной жизни. Она действительно учит правильно воспринимать чудеса Божии, ощущать и понимать их домостроительный смысл.

К печали, надо сказать, что эта книга в последнее время была усеченно переиздана: предисловие сокращено, многие важнейшие факты опущены редакторами по общей тенденции к опрощению, упрощению и вульгаризации. Но первые издания, на которые и стоит ориентироваться, представляют большой интерес как образцы духовных свидетельств Русской Церкви нового времени. И что особенно замечательно, книга совершенно не риторична и не учительна по форме, это именно свидетельства.

⁷ Монастырские письма. Изд. третье, дополненное. М.: Типография И. Ефимова. 1884 г. Репринт: Сергиев посад. 1992 г.

Вторая книга общеизвестна — это «Лавсаик» Палладия, епископа Еленопольского⁸, жизнь отцов-пустыльников IV века. Почему важна отсылка к ней? Высокие аскетические подвиги, о которых свидетельствуется в книге, порой кажется, просто задокументированы, но это не так — они отобраны и преподаны в том ракурсе, чтобы свидетельство подвига, порой очень высокого, не пугало наш разум, а утверждало его в вере и дарило отвагой. Книга также переиздана сейчас в грубой упрощенной редакции, скрывающей от нас ее подлинный духовный масштаб.

И еще приведу одну очень известную книгу совсем, кажется, из другого ряда. «Очерки Крыма» Е.Л. Маркова⁹. Книга также написана в XIX веке, первое издание датируется 1873 годом, с тех пор были многочисленные переиздания, репринтные и новый набор в старой редакции. В чем сила этой работы, зачем она современным агиографам? Книга поражает свободой восприятия, неангажированностью и живыми рассуждениями по поводу увиденного и услышанного. Христианская душа как будто «светится» в каждой ее строчке. Встреча с исторической древностью и разными людьми охарактеризована здесь с такой глубиной и тактом, что и по сей день книга актуальна и также может быть полезна для воспитания и развития христианского мироощущения.

Можно и дальше перечислять список путеводных книг, но важно уяснить, что никакие популистские приемы, которыми грешат многие издания последних лет, для подлинной духовной литературы невозможны.

⁸ Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов. Репринт 1992 г.

⁹ Марков Е.Л. Очерки Крыма. Симферополь: Терра-АйТи. 2015 г.

И ориентироваться писателям и издателям надо не на упавший уровень народа и средневековый магизм, который сейчас наползает на нас, как газовая атака, а на те книги-свидетельства, которые прошли испытание временем и совестью.

Итак, два пути работы означили себя из самого материала:

1. Необходимо краткое житие с избранными фактами-образами.

2. Объем уже накопленного материала тяготеет к развернутому жизнеописанию, исторической повести о святом.

Но даже в это краткое житие могут быть вставлены некоторые необходимые исторические комментарии, например: «А в это время на Юге России...», «Как мы знаем, в исторической традиции Церкви общины возникали в разных временах разные...» и пр. Мера исторического комментария определяется его служебной, поясняющей, а не исследовательской нагрузкой. Повидимому, два жития будут рождаться одновременно. Краткая справка входит по надобности в краткое житие, а развернутый комментарий с анализом ситуации и причин, породивших то или иное явление, становится рефлектирующей частью жизнеописания, исторической повести о святом и его деяниях.

В конце необходимо сказать, что сегодня излишне беллетризированные жития просто духовно опасны. А вот ввести исторически достоверный и аналитический компонент в историческую повесть о святом не только нужно, но и должно. Растет всеобщее доверие к фэнтези, и мы все больше утрачиваем историческое чувство правды. Соединить его со святостью — задача и агио-

графии, и христианской исторической науки. Понесем благие труды для оживления сознания людей — и этим начнем открытый бой с обступающей нас ложью.

14 августа 2015 г.

ДОРОГА В НИКУДА

Неоязычество России
как онтологический феномен

І. Социальные предпосылки возрождения языческого сознания

1. Этапы духовного кризиса. Социальная эйфория обновления. Демонтаж общества.

Если из множества проблем современной России попытаться вычленить главные, системные препятствия нашей жизни и развитию, то это окажется отнюдь не экономика и не политика, а всеобщий **духовный кризис народа, кризис веры**, веры как состояния души: веры в жизнь, в ее созидательную силу, в правду, в идеалы, в духовную силу нации.

Но как же это произошло? С чего все началось?

Удивительно, но с «перестроечного» духовного подъема, с поисков истины.

Первый этап нынешнего духовного кризиса на кризис был вовсе не похож, он характеризовался огромным душевным и духовным подъемом, с каким народ «вступил в перестройку жизни».

Интереснейшие сведения приводит в своей книге «Во что верит Россия» социолог религии Александр Щипков: «...После либерализации в стране был зафиксирован резкий скачок религиозности.

1988 год — 18,6%;

1991 год — 39%;

1993 год — 43%;

1995 год — 64,2% (По данным ВЦИОМ).

Этот «скачок» религиозности в постперестроечное время дает право предположить, — пишет автор, — существование скрытой (пусть аморфной) религиозности в предшествовавший советский период» [1. с.3].

Чрезвычайно важно последнее замечание, ибо духовность не то, что можно увидеть невооруженным глазом и исчислить, и не то, о чем принято было говорить вслух, цельность народного союза заключалась не в экономическом, а именно в душевно-духовном единстве. Неафишированное христианство пронизывало всю нашу культуру, все нравственные установки нашего общественного бытия — негласно оно было признаваемо всеми. На вопрос, что такое хорошо, что такое плохо, ответ в народе был единым, и он восходил к десяти заповедям Библии.

Но первые четыре заповеди, касающиеся отношений человека и Бога, были затенены, прикровенны: личность Творца не называлась, но человек чувствовал правду над собой. В роли судии выступала народная совесть, чувство коллективного спроса — и люди принимали на себя ответственность за жизнь, за природу, за судьбу страны.

Последние же шесть заповедей: чти отца и мать, не убий, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, не завидуй — были просто растворены в памяти народа, принимались всеми безоговорочно и незримо руководили внутренней жизнью людей.

Но, как известно, здоровое сознание не замкнуто, не самодостаточно — оно ищет духовного общения. И вот в конце 80-х поднялась волна народного интереса к духовному: велик и чист был порыв народа, сначала интеллигенции, конечно, к Церкви — все хотели постичь те прикровенные первые заповеди, узнать Бога!

Не просто же так святитель Филарет (Дроздов) написал на портале Успенского собора Троице-Сергиевой лавры: «Ведомому Богу!»! Вот к этому ведению и устремились.

Духовное возрождение начала 90-х, массовое обращение к Православию было временем больших надежд, несмотря на невиданные трудности в простой материальной жизни. Дух народа на рубеже 80-х — 90-х был так молодецки бодр, что стопор народного хозяйства не мог его погасить. Кризисность этого периода как раз и заключалась в **социальной эйфории**, в «вольной слепоте», в том, что верили мечтам, которым всечасно предавались.

Второй этап нашего духовного кризиса, по закону диалектики (отрицание отрицания), был противоположен первому.

Начавшееся массовое обращение к Православию и оживление душепопечительных забот самой Церкви, которое обещало желанное воссоединение духа, науки и справедливости, захлебнулось в крови 1993 года и оцепенело от жесткости «новой свободы». Растерянность и какой-то невыявленный, засевший внутри страх вселили недоверие в сердца — где она, правда? Государственный слом, который скрытно был совершен ранее, а сейчас обнаружил себя, потряс многих: национальная катастрофа начинала осознаваться людьми и ввергала новообращенных в душевные метания. Духовное движение масс не прекратилось, но реку русской жизни рассекли на многие рукава, и, теряя силу, она потекла в разные стороны. Правды стали искать на стороне.

Так, журнал «Наука и религия» № 1 за 1997 год дает статистику по 54 (!) различным зарегистрированным у нас религиозным организациям. Вот данные по количеству первичных общин [1. с.12–13].

№	Наименование конфессии	1993 г.	1996 г.	Коэф. роста
1	РПЦ МП	4566	7195	1.6
2	Староверы (всего)	108	164	1.5
3	Российская православная свободная церковь	57	98	1.7
4	Истинно-православная церковь	11	26	2.4
5	Римско-католическая церковь	73	183	2.5
6	Лютеране (всего)	75	141	1.9
7	Методисты	14	48	3.4
8	Союз ЕХБ РФ	433	677	1.6
9	Совет Церквей ЕХБ «инициативники»	11	32	2.9
10	Союз Церквей евангельских христиан	37	248	6.7
11	Христиане веры евангельской («Пятидесятники»)	114	351	3.0
12	Евангельские христиане в духе апостолов («Пятидесятники-единственники»)	12	22	1.8
13	Адвентисты седьмого дня	114	222	1.9
14	Пресвитерианская церковь	30	129	4.3
15	Протестантские неденоминированные миссионерские общества	86	213	2.5
16	Харизматические церкви	52	136	2.6
17	Новоапостольская церковь	24	61	2.5
18	Мормоны	1	9	9.0
19	Церковь Объединения («муниты»)	1	7	7.0
20	Свидетели Иеговы	44	129	2.9
21	Бахаи	8	20	2.5
22	Сознание Кришны	58	112	1.9
23	Языческие общины	2	7	3.5
24	Буддизм	52	124	2.4
25	Иудаизм	40	80	2.0
26	Ислам	2534	2494	0.9

Из таблицы видно, что некоторые религиозные организации России за три года так умножились, что диву даешься! Среди них есть и столь нетрадиционные для

нашей культуры, что появление их можно считать только плодом прозелитизма, т.е. организованной внешней духовной агрессии. Да, «открытое общество», которым стала Россия, открыло двери для миссионеров всех видов: для проповедников «евродуховности», «учителей» различных восточных культов и пр.

Но вот что интересно: исследуя статистику религиозных организаций советского времени, А. Щипков обнаруживает неожиданную особенность: на фоне общей тенденции к сокращению религиозных общин в какое-то время вдруг начинает наблюдаться рост новых культов. Так, «с 1970 по 1987 годы было закрыто 525 православных общин и открыто 809 общин иных конфессий и вероисповеданий» [1. с.11]. Видимо, не просто так мы оказались «завоеваны» чуждыми духами — врата открывались своими! Вспомним-ка: в середине 90-х наши правозащитники больше всего, кажется, пеклись о нуждах меньшинств, об уравнивании в правах всех и вся, о свободе для нового и... чужого.

А события нашей недавней истории?! На захваченных территориях в заботе о нашей «попранной духовности» Гитлер открывал, как известно, ранее закрытые храмы. Но знаем ли, что одновременно с этим он призывал насаждать и поддерживать у нас всевозможные культы — ему хотелось, чтобы в каждой деревне была своя вера. Он знал: так легче будет победить Россию.

Этот второй период нашего идейного кризиса можно, не смущаясь, назвать «периодом выживания», учились жить в «новой» стране: одни стали карабкаться вверх, другие оставались на месте, а значит, опускались вниз. Духовные нужды изменились и у тех, и у других: одни ставили свечи, чтобы выиграть в рулетку, другие — чтобы не впасть в отчаяние нищеты.

2. Духовные итоги выживания. Всеобщая амнезия.

... И долгим был этот период стагнации или «приучения к рабству»: принимались новые законы, переписывались церковные уставы, вводились новые школьные и вузовские программы — демонтаж шел во всех сферах нашей жизни, разбирались вековые постройки... Не сказать, что при полной пассивности народа, нет: внутреннее неприятие многих нововведений было, и раз от разу обнаруживало себя, но реформаторы поразительно быстро научились предупреждать вспышки протеста, переключать с помощью СМИ внимание масс на очередные катастрофы и авторитетом Церкви смирать бунтующих. Так, «пока мы каялись, разрушили страну!» [13. с. 8].

Через десятилетие духовное удушье перестало ощущаться людьми, и это было **началом третьего этапа нашего духовного кризиса — воцарилась всеобщая духовная амнезия**. Теперь разве что 9 Мая мы еще ощущали себя единым народом, но уже в большинстве все приняли новую норму: каждому — свое! Узаконенная терпимость подрезала крылья дерзаниям и гасила внутреннее чувство правды — везде шла игра на понижение.

Безрадостность той эпохи заключалась в поступательном, но неуклонном отступлении, в предательстве тех высот, на которых привыкло жить наше сердце. Свобода была утрачена — и ее больше не искали. Чувство красоты, художество, любовь, которые, казалось, были нам положены в колыбель, вдруг у многих обернулись тягой к обладанию, к комфорту. В массе росло активно пропагандируемое потребительское сознание, а вместе с ним нарастала апатия, которая порождала

нечувствие, идейное смешение добра и зла, неспособность различить духов тьмы.

Мы стали свидетелями перерождения не только отношений человека к человеку, миру, природе, но и самих представлений о духовном мире: многим он стал нужен только для того, чтобы спастись от бед в этой — земной — жизни, стяжать удачу. Центробежные силы разрывали общество, и люди стали принимать это как должное: на вопрос «Что есть истина?» многие, не задумываясь, отвечали: у каждого своя истина! Так сложились у нас объективные предпосылки для возрождения языческого сознания.

3. От науки к наукообразию.

Итак, социальный вакуум увеличивался, поле приложения профессиональных сил теряли сотни, тысячи людей — бездеятельность, смертельная для нас, выкашивала народ. Невозможно было понять, почему против нас ополчилось наше же государство, те, кто хотели жить, должны были найти новую форму существования не только физического, но и социального, общинного, идейного — дать опору уму и сердцу. Человек, ощутивший себя не соответствующим этой новой, непонятно откуда взявшейся действительности, опустившейся на него, как мёрзок, начал спасаться... поиском новой теории «правильной жизни». И это «вожделенное Беловодье», эту «страну далече» ему пришлось не столько отыскивать, сколько придумывать, конструировать, подводить «научную» базу.

А тут как раз подоспела необъявленная война науке. Введением тотальной отчетности, профанным обсуж-

дением целей и методов исследований, хозяйственными и санитарными проверками начали компрометировать и нещадно сокращать научные институты и подразделения. СМИ получили право печатать любую «хиромантию». И вот массы людей, как-то разом, вдруг, но не без помощи этой информационной атаки, усомнились в правде опыта и рационального мышления.

Научное мировоззрение, которое лежало в основе нашей школы и, казалось, было неотторжимо от общества, давало опору мысли и организацию чувствам, научило нас воспринимать мир как единое органическое целое, вдруг стало считаться недостаточным и даже ложным! Как стали искать новой жизни, так стали искать и новой — истинной — науки, объясняющей законы скрытой мистической жизни в единстве с природой и духом. И эта «новая наука», вернее, наукообразие новых постулатов жизни морем разливанным растеклось по всем печатным изданиям России, возбуждая обывателей и компрометируя ученых.

При более внимательном рассмотрении все это оказывалось, как правило, несостоятельным. Ведь никакое новое знание, если оно подлинно добыто и не является плодом фантазии одного человека, не может опровергнуть науку, но лишь дополняет ее, раздвигает горизонты мысли. Даже Откровение, свидетельствуя о духовном, не уничтожает накопленного человеческим опытом знания — но именно опыту выказывалось недоверие. Мы пошли войной сами на себя. И столько возникло этих новых теорий правильной жизни, что диву даешься — как уважается у нас наукообразие! Без него и вера — не вера, и жизнь — не в жизнь!

II. Психологические мотивы отступления. Новые верования новой России

1. Истину — по вкусу!

Надо сразу сказать, что это не была естественная ревизия или отбор ценностей, не поиск и обновление духовной традиции, а какая-то быстрая сборка новой модели жизни. И тут, на скорости, начали действовать законы феноменологии.

В нашумевшей когда-то книге голландского ученого Герардуса ван дер Леува «Феноменология религии» приводится необычная классификация религий: «как то: «религия удаления и бегства» (конфуцианство), «религия битвы» (маздеизм), «религия покоя», «религия беспокойства» (теизм), «религия порыва и облика» (греческая), «религия бесконечности и аскетизма» (индуизм)» [ср.15, с. 132–139].

Наш выдающийся историк и этнограф С.А. Токарев в своей книге «Ранние формы религии» назвал эти категории «отвлеченными и произвольными» [см. б. с.14, примечание]. Но в этой «своевольной», с точки зрения историка, классификации есть важный для нас эмоциональный субъектный знак: здесь содержится метафорическая эмблема верования. И в сегодняшней ситуации, когда всем людям доступны стали религии разных земель и народов, именно эта эмблема, представляющая сжато дух и форму верования, а стало быть, и заданный стиль жизни, привлекает или отвращает раньше, чем будут поняты догматика и каноны. Мы не можем думать, что в основе мотивации участия в каком-то сообществе лежит понимание сути явления, — нет, притяжение происходит от родства, а точнее, подобия внутреннего

искового идеала человека и того образа и стиля жизни, который ему предлагается в том или ином сообществе. Мы стали **выбирать истину по вкусу и стилю.**

2. Новая духовная топография.

Итак, процесс распада огромного организма общества шел неукротимо, но распадалось оно не с периферии, а с идейного своего центра: он «провалился», образуя маленькие разнородные культурно-социальные сообщества, которые «в материнском чреве» общенациональной культуры создавали каждый свое автономное пространство с собственным алтарем и со своим «владыкой». Какой же стала теперь «духовная карта» России, каковы эти неоязыческие образования?

Вот какую классификацию современного неоязычества, его форм и видов, предлагает в своем докладе «Неоязычество в России: современная ситуация» (2015 г.) сектовед Александр Дворкин — приведем ее с некоторыми сокращениями [См. 5]:

1. Народно-бытовое язычество. Набор суеверий: вера в приметы, гадания и оккультно-магическое воздействие (сглаз, порча, приговор), упрощенный набор представлений о потустороннем мире — частично переплетается с воззрениями традиционной для данной местности религии.

2. Этническое язычество. Политеистические культы, имеющие глубокие исторические корни (шаманистские культы коренных народов Сибири и Дальнего Востока). Отличительной чертой являются автохтонность и цельность мировоззрения. Сегодня они реконструируются и активно включаются в современные практики.

3. Экологическое языческое течение. Ему присуще оккультное, синкретическое, квазиэтническое политеистическое мировоззрение с идеологией экологизма («Круг языческой традиции»).

4. Этно-националистическое течение. Включает религиозные и политические организации, имеющие синкретическое, квазиэтническое политеистическое мировоззрение с идеологией национализма («Союз славянских общин», «Древлеправославная церковь инглингов», «Партия духовного ведического социализма», «Движение "К Богодержавию"» генерала Петрова, «Союз сотворцов Святой Руси» Леонида Маслова и т.д.).

5. Молодежная массовая культура New Age. Рок-пропаганда расизма, культа силы и откровенного сатанизма (ambient, dark wave electronic, trance music).

6. «Авторские» неоязыческие культы, такие как: «Тропа Троянова» (она же «Академия самопознания») Александра Шевцова с идеологией возрождения народных промыслов, «Звенящие кедры России» (Анастасия), педагогический культ «Школа Щетинина» [см. 14], «Бажовцы», «ДЭИР», и т. д.

7. «Целительские» неоязыческие культы, последователи Порфирия Иванова, «церковь» Рафаила и пр.

8. Псевдоиндуистские и псевдобуддийские культы [Ср. 5].

Как видим, за двадцать лет (ср. таблицы Щипкова) волна «богоисканий» не спала, но стала по-другому структурироваться. Даже из этой авторской выборки культовых сообществ ясно, что возникло много новых специфических форм, тяготеющих к славянским родовым корням, к продолжению исторического наследия нации. Все они недифференцированно отнесены до-

кладчиком к неоязычеству, что вряд ли можно считать правомочным. Здесь необходимо исследование структуры явления, его главных системообразующих признаков. Опасно не различать элементы культуры и реальные религиозные практики, иначе девушку в платье с русским орнаментом, поющую русские песни, нам придется считать адептом славянского язычества.

Говоря о новых культурно-социальных формах жизни, мы непременно должны научиться распознавать, что находится в центре того или иного сообщества? Секта от этнографического и культурологического кружка отличается именно культовым центром, духовной практикой. Нужно непременно понять, куда устремлены сердца, с чем желают соединиться люди, какую картину мира они принимают — что исповедуют как истину?

И тут мы должны признаться, что славянское язычество, родноверие со множеством его форм, различные идейные экологические поселения стали сегодня поистине массовым явлением. Они очень развились по форме, укладу и своему внутреннему содержанию и свидетельствуют об устойчивой общественной тенденции — тяготению к новому земству, к новой общинности!

3. «Новое родное». К земской общинности!

Вот данные, которые приводит в своей статье «Языческое картирование» социолог Рушан Саберов: если в 1996 году славянских языческих общин было 7, то в 2015 их — 57!

«Наиболее крупные и известные религиозные организации современного славянского язычества РФ (данные 2015 г.):

Название общин	Дата основания	Количество общин
Союз венедев	1990 г	6
Союз славянских общин славянской родной веры (ССО СРВ)	1997 г.	16
Содружество славянских родноверческих общин «Велесов круг»	1999 г.	9
Круг языческой традиции (КЯТ)	2002 г.	19
Содружество языческих общин Сибири «Сибирское вече»	31 марта 2015 г.	7
Итого		57

«Узлами же сосредоточения представителей современного славянского язычества, — как показали исследования автора, — выступают отнюдь не периферийные сельские населенные пункты, деревни, исторически характеризующиеся консервацией автохтонных традиций и верований, а крупные города, мегаполисы, в большей степени — федерального значения» [3]. Небольшая работа этого автора основана на личных опросах и переписке с «волхвами» общин — достоверность ее очень велика.

По данным же фонда «Общественное мнение» совместно с исследовательской службой «Среда», на янв. 2015 г., язычниками («Исповедую традиционную религию предков, поклоняюсь богам и силам природы») себя назвали 1,2 % россиян [4]. Это около 1,8 млн человек, причем и молодых, и среднего возраста.

Цифра эта в реальности, может быть, и неточна, но размах феномена неоязычества, география которого охватывает всю страну, не может не поразить. Нам же важна даже не география, важно понять, о каких процессах во внутреннем бытии народа свидетельствует это явление.

И первый вопрос, который здесь напрашивается, таков: является ли стремление к новой общинности, к земским формам бытия действительно религиозным

актом? Или даже более точно — каков первичный мотив ухода людей из привычного социума в архаику той или иной общины?

4. Психологические факторы ухода.

Частично мы на этот вопрос уже ответили в первом разделе нашего обзора, освещающем социальные предпосылки российского неоязычества. Но, кроме социального фактора, есть и внутренний, психологический момент истины для человека, некая экзистенциальная точка предельного напряжения чувств, обычно в момент полной потери духовной ориентации. Крушение и издевательство над общественными идеалами в конце тысячелетия вызвали шок и оглушение в наиболее чуткой части народа. Мы все оказались в роли того несчастного старика из повести Чингиза Айтматова «Белый пароход», который сначала вместе с пришлыми охотниками убил самку марала, по преданию священную мать-олениху степных народов, а потом, подпоенный гостями, стал есть ее мясо, приводя в ужас своего воспитанника-внука, в душе которого в это время рушились своды небес. И увидел мальчик мираж на Иссык-Куле — увидел белый пароход, который должен увезти его из этого рухнувшего мира в «новое родное».

Думается, сегодня пребывание в той или иной общине или даже религиозном сообществе — это не столько акт веры, сколько акт бегства из ада современной действительности, это акт душевной свободы: люди ищут даже не «новой правды», а убежища для простого существования. Весь пафос здесь — в создании своего «удельного княжества», своего образа жизни и веры — своего «нового род-

ного». Этот образ может опираться на «древние» предания или быть произвольно сконструирован из разных верований и опытов — это не так важно! Важно, что возникает свой круг, понимание товарищей, чувство причастности и хоть какая-то перспектива и возможность жизни. Если это и религия, то **религия кружка**, которая должна насытить чувства и задать некую структуру хаосу социального разгрома — не религиозная, а жизненная составляющая выходит здесь на первое место.

И действительно, славянское неоязычество — это не книжное учение, а практика жизни. Это особым образом организованная действительность, некая новая рационализация хозяйства и чувств, набор правил, понятий, обрядов, ритуалов, они — главное, они создают социум, гасят уныние одиночества и дают «глоток общей свободы». Это очень важный психологический фактор. При нынешней раздробленности общества славянская община выполняет социальную функцию — это реальное пространство жизни с неким пусть не очень ясным, но энергетически ощутимым духовным центром, в котором естественным путем возникают центроостремительные силы, объединяющие людей.

Многочисленные свидетельства с мест подтверждают эту нарастающую тенденцию к новой земской общинности. Приведем пример из «анастасийцев» (движение «Звенящие кедры России»). По личному свидетельству главы родового поместья Сергея Н. (поселение «Красивая сказка»), когда он в 2013 году тщательно подбирал себе место для «переезда на землю», поселений было около 500 по всей стране, они включали примерно 35 тыс. личных родовых поместий [17]. Правда, зимуют там не все, многие живут на земле только в летнее время, о чем говорят сами поселенцы [20].

Эколавки этих родовых поместий разбросаны по 62 крупным городам: в основном России, Украины, Белоруссии, Киргизии, Латвии, но есть и в Болгарии и Великобритании [18]. И там мы находим всё то, что раньше называлось «колониальными товарами»: экологические продукты, масла, натуральную косметику, домотканые платья, ну, и обереги, и просветительскую литературу местных «волхвов».

Но вот что интересно: первичным порывом переезда на землю у всех здесь было именно стремление к здоровому образу жизни, к гармонии чувств и, конечно, желание воспитать своих детей в этой гармонии, в любви к природе. Об этом свидетельствует и нынешний форум «анастасийцев», где, кстати, исподволь раскрывается и экономическая составляющая этого эко-социального проекта [19].

Кстати, из этого же источника ясно, что полного идейного единства в поселениях нет, но, как оказывается, не так оно и важно для жизни в общине. Ведь простое совместное бытие на земле — радость! Добрососедство и участие — как этого не хватает в городе! А тут и новые земельные празднества, обряды, как взвихривают чувства костры, хороводы, песни — всё привлекает, всё чарует! Само дыхание земли восстанавливает силы и вдохновляет — и люди готовы терпеть неудобства, непонимание: их «новое родное» вернуло их к жизни!

5. Желанный лабиринт.

И все-таки, если есть община, должна быть и идея, вокруг которой она собралась. «Единство во имя чего? — напрашивается вопрос, и далее: — во что верите?»

И тут мы должны признать, «мечты» фюрера сбылись: в каждом неоязыческом славянском или цивилизационном (каким, видимо, являются «анастасийцы») движении, а то и каждом его ответвлении — действительно своя «вдохновенная вера» и свои пророки. Так, «анастасийцы» верят Владимиру Мегре, сочинившему лесную диву Анастасию, давшую «новые заветы» семьи, жизни на земле и пр. Это «символ веры» общинников, он не обсуждается, по этому паролю принимают в общину [20].

Внешним читать это не интересно ни с какой стороны: не художество и не наука, что-то среднее между аватар-фэнтези и натурфилософскими советами по космическому огородничеству. Чтобы за этим возникло реальное движение, его, безусловно, надо было создавать направленными медиасилами.

Впрочем, был в русской истории необыкновенный факт. Напечатанный в «Современнике» в 1863 г. роман Чернышевского «Что делать?» вызвал небывалую волну подражаний: стали заключаться фиктивные браки, девушки открывали швейные мастерские, были попытки создания коммун. Идеи Чернышевского вызвали резонанс в определенном слое общества, стали маяком, знаменем демократической молодежи на добрые 10, а то и 20 лет [22]. Что-то угадал Чернышевский в нашей жизни, может быть, и не сущностное, но горячее. В одном только можно точно не сомневаться — в абсолютной честности автора: двигала им честь, стремление дать образ «нового человека», как он его понимал и чувствовал, — представить новых делателей жизни. И это подтверждено всей жизнью Чернышевского.

Не так с Мегре (Пузанковым). Он был выведен на общественный горизонт в 1996 г. из предпринимателей и экскурсоводов. Любопытно, что в 1993 г. «новый

Суворов» (Резун) в «Ледоколе» поведал нам «истинную правду» о Великой Отечественной войне, теперь же «новый Мегре» открыл нам в «Анастасии» «истинные тайны» мира. Оба проекта, похоже, не у нас задумывались, но рассчитаны были на наших открытых, доверчивых, хороших людей. И оба, как видим, сработали.

Продолжил традицию наставничества «анастасийцев» Александр Саврасов, его книги и журнал «Солевод» (мудрость дольменов) также активно востребованы данным сообществом [18]. Последнее издание не может не поразить своей безответственностью и некомпетентностью. Это даже не наукообразие, а просто бойкая отсебятина, безапелляционное «вещание истины», имеющее целью одно — заморочить голову читателю, загипнотизировать его словами! Тексты Саврасова вообще похожи на смоделированный машинный текст, как, впрочем, и некоторые фрагменты Мегре.

Сознанию здесь предлагается повернуть от трезвения науки и открытой образности искусства к **новым словам-символам**, во тьму смутных чувств и предчувствий, интуиций и душевных движений. Читателю здесь, безусловно, придется останавливать себя в мысли (не спрашивай! не сравнивай! не критикуй!), да и в чувстве (сердце не любит тьмы, а его придется осекать — молчи! молчи!). Придется намеренно суживать свой кругозор, уменьшать поле чувствований — учить себя глухоте и слепоте. Зачем?

Человек сегодня, многократно обманутый в главном, не верит в открытую правду — он ищет скрытого, тайного — **ищет лабиринта!** И только в лабиринте, интеллектуальном и эмоциональном, он успокаивается. Лабиринт (а попросту мёрлок) как метод издавна известен шаманам, он завораживает спутанностью и

невозможностью предвидения следующего шага. Эта созданная выморочным словом иррациональность пространства устойчиво действует на человека как наркотик, делая его адептом предложенного ему через лабиринт учения, inferнальность которого он не может почувствовать, находясь внутри него.

Такой способ пригоден для уловления инженерных умов, гуманитариев же обращают вспять, как мы уже сказали, ревизией истории.

6. «Эксгумированная правда».

Такое ощущение, что у нас была произведена какая-то операция на памяти. Прежде она была твердым фундаментом, на котором зиждилось всё здание и личности, и народа — и вдруг этот фундамент «поплыл», пошли тектонические процессы: древнейшие пласты истории стали подниматься наверх, а недавнее прошлое на глазах дробилось и опускалось вниз. Архаические реалии многими вдруг стали восприниматься как необходимые дополнения сегодняшней жизни, а затем «по праву чудесно обретенной истины» — и как ее замещение. Постаралась тут и «новая хронология» А. Фоменко и Г. Носовского. Тоже, кстати, международный проект «просвещения России». Готовилось первое издание Госкомитетом телевидения и радиовещания (Зак. 3672. залитовано 9.11.1981 г. №.БО7201), а издано в том же году аж в Лондоне (1981, London, The British Library, Department of printed books. Cup. 918/87) [23].

Эта «эксгумированная правда» в конце 90-х стала достоянием масс и дала новые культовые точки опоры для ущемленных национальных интересов. Теперь

родноверческие и велесовы общины с «научным подкреплением» выдвинули свой житийно-обрядовый и мировоззренческий проект. Эта ветвь обрядового, «правоверного» неоязычества, пожалуй, глубже всех ушла в лабиринт.

Надо сказать, что историческая эпоха этнического славянского язычества как этап живых народных верований — исторический факт, который не подлежит нашему нравственному суду. Хорош ли Збручский каменный идол X века, четырьмя своими ликами повернутый на четыре стороны света [16]? Он — вежа древнеславянской космогонии и свидетельствует о представлениях древних славян о мире и силах, в нем действующих. И вся жизнь людей была организована соответственно этим представлениям, и обряды были встроены в космогонию, неотделимы от нее.

Наши представления о мире и жизни — иные. Да и сама жизнь — иная. Разве можем мы стать продолжателями традиции древних славян? Мы можем лишь «поиграть в прошлое», примерить на себя обряды предков, но это не будет подлинным единством ума, жизни и чувства, а, скорее, новая, сконструированная «вера» и такая же сконструированная «жизнь», имеющая лишь эмблематику древних культов и свою, новую научно-образную «догматику». Вот структурная основа нового славянского язычества.

Но, может быть, всё не так страшно? Ну, поиграются в Купалу, попрыгают через костры в красных рубахах? Поплетут венки?..

Замечена некоторая устойчивая педагогическая закономерность: слишком активное игровое изучение элементов этнокультуры имеет способность к перерастанию в реальные культовые практики. Участники

исторических ролевых игр: викинги, толкиенисты, любители Гарри Поттера не свободны от своих кумиров. Чем глубже они погружаются в это избранное ими художественное пространство, тем больше стремятся его оживить, одухотворить — и в какой-то момент это становится их жизнью: они начинают исповедовать идеалы своих героев и продолжают их путь. Грань перехода всегда ощутима, но при коллективном движении трудно оторваться от толпы.

Славянский обряд горяч, собирая, концентрируя эмоции, разжигая их, как бумажки через увеличительное стекло: вот, смотри! — начинают тлеть, вспыхнули, загорелись от луча — обряд дает душе из тесноты смутных образов вырваться в свободу жеста, крика, прыжка. Человек находит усладу в вихре новых охвативших его природных чувств — он в экстазе. Переживший экстаз взбудоражен, опустошен — душа его принесена в жертву природе.

Вот ключевое слово, огненным херувимом воздвигающееся между землей и небом — ЖЕРТВА. И это уже не социальный и не психологический, а **духовный, мистический** аспект рассматриваемого нами явления неоязычества.

III. Кому жертвуешь?

1. Дорога куда?

Спросим себя, что в центре всех верований и обрядов? Для чего они совершаются? Не учение, а именно жертва делает веру действенным религиозным актом. Где нет жертвоприношения — нет и религии.

Установление жертвы Богу есть в Библии, один из первых духовных законов говорит: жертва соединяет душу с тем, кому она приносится, посвящается. Пространство как бы рассекается жертвой, соединяя то, что принадлежит вечности (нашу душу), с ее Творцом, ее истоком. Это мистическое откровение было принято человечеством, и жертвы приносились жрецами во все времена и во всех странах. Для них были отведены определенные места, которые считались священными. И жертвы приносили разные: от плодов и от стад, от природных богатств и искусных трудов — жертва за грех, жертва умилоствления, жертва в помощь, прошение. Кровавые жертвы сопровождали весь исторический путь человечества. И только Христос положил им конец: Я Себя приношу в жертву за ваши грехи! Отныне вы будете только вспоминать Мою жертву и благодарить Творца, отныне жертва ваша — молитва благодарения! И так стало.

«Жертва Богу — дух сокрушен», — так читаем в 50-м псалме. Сокрушаем гордыню, и когда это удастся, именем Христовым изливаются на нас потоки милости и духовного богатства. Это стало новым духовным законом человечества.

Даже те люди, которые считают себя атеистами и материалистами, знают этот закон святой жертвы, ибо жизнь совести, нравственные критерии личности — все сопряжены с жертвенностью как высшим проявлением духа человека. Вот так была преобразована жертва кровная в жертву духовную.

А что же в сегодняшних славянских общинах? Их обряды и ритуалы направлены на соединение с природой, как они говорят, на обретение новых сил жизни, чувства и ума. А есть ли у них жертвоприношение? И главное — кому приносятся жертвы?

В тех общинах, где есть практика пусть даже самых малых жертвоприношений: крупы, цветов — вам укажут на деревянных истуканов и на капище, огороженное плетнем. Что происходит за ним и какое это имеет значение для человека — не все даже и понимают, да и не принято отвечать на этот вопрос чужаку: не всем это открыто, скажут вам, на то у нас есть учитель — он знает!

Всё как будто сосредоточилось на хороводах, венках, играх и пр. Но уже обряд имянаречения — это акт духовный, акт заклęcia и договора — и тут уже есть символическая жертва: рубится топором скинутая «ветхая» одежда, и человек облачается в «вышиванку» новой жизни. В каком же пространстве он оказался? С чем в его душе установлена связь, знает ли?

Духовный мир не един: есть Дух и духи, с приходом Солнца тьма не исчезает. Но если люди стремятся к ней, они могут в нее попасть — и окажутся во власти духов злобы поднебесных. Христос открыл Себя людям, дал нам Свой образ и Лик, тьма духов враждебных не имеет образа: в сущем они — ничто.

С чем же хотим соединиться, чем наполнить ум и сердце? Кому горсть семян жертвуем?

Жертва земному «хоронит» бессмертную душу, отрывает ее от Бога, налагает на нее узы адовы. Но понимают ли это жертвователи, и видят ли их поводыри эту... «дорогу в никуда»?

2. «Фаустовский договор».

Тьма не молчит: она зовет к себе маловерных и притягивает лживых, хитрых, властолюбивых — подкупает лестью. Уступи раз — и ты учитель!

Есть определенная категория людей, которые не мыслят себя в другой роли, кроме как руководить людьми. По сути, это своего рода хищничество, психологическое и духовное, стремление жить за счет других, их силой и энергией. Особо расцветает это явление в години смут и общественных депрессий. Духовные «учителя» находятся из пионервожатых и инструкторов по туризму, из замов по науке и физиков-теоретиков — это те, кто устал бороться, тянуть рабочую лямку и не прочь возвыситься.

И сколько же их выдвинулось (или выдвинули?) в духовные вожди! О хлестаковская смелость, скольких способных «дурить головы» ты сделала проводниками тьмы! И все они, как только стали на этот путь, сразу же были снабжены хвостатым «смотрящим» необходимыми средствами «пропаганды и агитации»: харизмой внушения и способностью подавлять волю других.

Но и доверчивость «подавляемых» поражает! Из какого-то невыявленного внутреннего протеста наши люди готовы верить каждому слову своего избранного «наставника»: случайному, недоказуемому, противоречивому — но им произнесенному! Неужто и вправду открыта ему истина? Дарована духом? Откуда такая убежденность?

Да не в шутку «учитель» призывает «богов», пойте, связь с духами тьмы дается ему — здесь и сейчас получает он от них магическую силу.

Магизм — вот мистическое основание и духовный метод язычества. Что это такое? Это действие темной духовной силы, порождающей связанность нашего духа, кабальную зависимость его от тьмы. Если Христос освободил человека, то дьяволу надо человека себе подчинить, незаметно, поступательно — но завладеть его душой и волей.

Шаманизм и волхвование, которые у нас культивируются как новая духовная наука-практика, есть, прежде всего, «**фаустовский договор**». Магизм уводит ум человека в свои недра, как уводят спелеологи в пещеры, и там уже рассматривай, что на что похоже, и не поймешь, куда растет, вверх или вниз... Шабаш безумия, заигрывание с тьмой на краю бездны.

3. Не участвуйте в делах тьмы.

Как же не ступить на этот путь? Бог — проводник, надо учиться слушать, что Он говорит сердцу, думать, молиться — и, оглядываясь на Заповеди, выбирать путь. И это открыто всем без исключения: все — сыны Божии.

Когда-то наука оторвала человека от магии и предложила быть работником во вселенной, дух же человека, мятущийся в постоянном беспокойстве, нашел себе опору — в Святом Духе, сошедшем на апостолов в День Пятидесятницы. Отняли у человека радость осмысленного творческого труда в союзе с наукой, — и невероятно! — он, будучи рядом с Церковью, вновь ринулся искать магов!

Судьбы всех этих отступников разные. Некоторые из «волхвов» кое-что и понаписали; фрондируя, как не подразнить рогатого?! Вот знаковый текст одного из этих несчастных, правда, недавно уже оставившего нас:

«Новое Язычество жизнеспособно и активно... Языческое мировоззрение в большинстве граждан уже сидит крепко-накрепко. Это прежде всего МирюЛюбие — любовь к Миру Сему, удовольствиям, «грехам», соблазнам Этого Мира, любовь к так называемому

«тварному». И, соответственно, подсознательная любовь к творцу этого Мира — его бессменному Князю, коего некоторые называют «сатаной». Люди больше не хотят самоистязаться физически и духовно. Люди УЖЕ язычники по своей внутренней основе, пусть и неосознанные. Они УЖЕ ...искренно верят, что Наслаждение во всех смыслах — вовсе не грех и что за него не придется «платить там»; а если и придется, то только здесь и сейчас. Совершенно по-язычески. Люди УЖЕ обращены к Миру Сему, и богам этого, плотского Мира, пусть и неосознанно, но УЖЕ верят.<...>

Новое язычество приближает ваш «апокалипсис». Новое язычество — ваш погубитель в исторической перспективе. Так будет! Можете не сомневаться» [7].

Можно бы не на шутку испугаться этого «пророческого гласа» волхва Доброслава, если принять текст за апологию антихриста, как иеромонах Виталий (Уткин) в своей работе «Россия и новое язычество» [8, с. 29]. Но подмоченная комсомольско-диссидентская биография «волхва», многочисленные тексты, написанные им в разные идеологические периоды жизни: то романтически игривые, то по-вагнеровски призывные — не дают уверенности считать этот фрагмент откровением тьмы, разве что игрой в страшилки. Но и эта игра вредна.

Маг только слуга, менеджер, современным языком; тот же, что за ним, промахов не знает, и заигравшегося в слова, хулящего святость притянет к себе как магнитом, ибо сам клеветник, и на хуле подловит любого умника. Дети природы и не заметят, как окажутся в серном костре злобы и человеконенавистничества. Вот признаки, выдающие тьму, в какие бы сарафаны, венки и сияния глаз она ни облакалась!

IV. Заснувшая мать. Духовная энтропия

1. Скрытое двоеверие.

Но не оставляет Господь Своим попечением, даже в безумном спиче может быть спрятано обращенное к нам слово правды — только умей найти его! И в этой гордой речи «волхва» оно есть — это **укор Церкви**.

Упрек христианам не случаен. Дело в том, что язычество имеет разные формы проявления и может скрываться под церковным благочестием. Язычество — вера обыденности, ее «бартерная» суть: ты — мне, я — тебе! — близка торговцу и обывателю. Многие сейчас восприняли эту идеологию рынка и везде, даже в храме, ищут компромисса, «двойного» гражданства: и «здесь пожить» и Царство небесное «не упустить».

Мистическая же, таинственная составляющая христианства требует верности, вникания и, главное, личных трудов, напряжения сил. Надо разобраться, понять, что к чему, тогда и может возникнуть полнота участия. Не желая утруждать себя, обыватель идет в храм, не стремясь к собственному преображению и духовному росту. Он верен потребительству и самоутверждается в каждом поклоне — и вот уже, как хозяин, он переносит свои представления и навыки обыденной жизни на сферу сакрального. Таинства воспринимаются как польза для здоровья, молитва — как индульгенция, как плата за помощь (только надо знать, кому от чего молиться), псалтирь — как заговор от всяких бед.

Это — магизм, профанация святыни Церкви. Пошрое, обыденное, суетное любит затмевать священное; и если позволим этой дурной «простоте» войти в себя,

сделаемся бесчувственными к духовному. («Или еще окамененное у вас сердце?» (См. Мк. 8.17)).

Третья заповедь «Не помяни имени Господа Бога твоего всуе» как раз и предостерегает нас от «обыкания», то есть от привыкания к святому как обыденному. Сильна пошлость, улавливает она обывателя в сети «духовного потребительства», растит, лелеет наше скрытое двоеверие! Православный магизм, обрядоверие есть, по сути, **язычество, сон Церкви.**

И как от заснувшей в трудах матери разбегаются дети, а самые резвые несмышлениши — смотри! — вот уже выскочили за ограду, так и не успевшие укрепиться в вере христиане вдруг ринулись искать правды в чужом чулане у чуждого огня.

В фильме «Злой дух Ямбуя» (1978 г.) по одноименной повести Григория Федосеева старуха из эвенков, отвечая на вопрос, почему они, крещенные в Православие, стали опять поклоняться духам, отвечает: «Христос высоко, на небе, а духи тут — они знают, что нам нужно!». То есть, когда жизнь теряет высоту и человек скатывается к простейшим потребностям, тут нужна и «духовность» попроще, более утилитарная.

Но эта «простота» действительно хуже воровства — она предает душу.

2. Трудно быть богом.

Парадокс нашей эпохи заключается в колоссальном разрыве между усложняющейся с каждым годом технической культурой, поглощающей мир, и стремительно упрощающейся, уплощающейся внутренней жизнью замученного ею человека. Мы оказались как

бы в двух временах, и это породило уже неприкрытое, декларируемое двоеверие. Слышатся признания и даже требования — язычества! Автору этих строк приходилось несколько раз слышать от уважаемых государственных людей фразу: «Я христианский язычник!» или «Нам нужно и христианство, и язычество!». Может быть, просто каламбур, шутка? Нет, это — девиз, он декларируется как личная духовная позиция и спасительная идеология для нынешней России.

Как это понять?! Зачем? Чего не хватает человеку, и что мешает ему в духовной свободе христианства?

Свобода и мешает. Трудно быть богом! Хоть и сказал Господь — «боги естé» (Пс. 81, 6), а всё легче прожить рабом или наемником. Вот это-то **стремление к рабству земному**, отступление от высокого призвания и достоинства человека и характеризует наш внутренний поворот к язычеству, добровольный, спасающий от груза ответственности — и потому облегчающий жизнь.

Язычество проще и легче нести, чем христианство, в нем мы как бы отрекаемся от своего царского достоинства, которым наделены от Бога, снимаем с себя обязательства чести. И надо признаться, игра на понижение приобрела у нас в конце второго тысячелетия христианства форму «расчеловечения».

Современный человек действительно чувствует себя свободным от духовных обязательств и обетов: он одинаков и в храме Церкви, и на рынке жизни. Он — блудодей по своим внутренним навыкам: по всё нарастающей раздражительности и нелюбви к людям, по боязни правды и терпимости ко лжи, по забвению всего и вся... но как ловко он выучился прикрывать эти «немощи» покаянной риторикой! «О род лукавый и прелюбодейный!» (Слав. Мф. 17,17).

3. Формы расчеловечения. Духовная энтропия.

Язычество как внутренняя ложь сердца, как навык двоедушия проникает в нас всё глубже. Отсюда и восстребованность извращенных форм искусства. Изобразительный канон смят, драматургическая основа скомпрометирована: форме, фабуле и идее предоставлена неограниченная свобода играть собой — только развлекающая и только возбуждающая.

Язычество в искусстве как новизна новых жарких, часто эротических форм подавляет сознание излишней чувственностью, которая вовсе не есть правда жизни, но лишь ее «неблагоутробная» физиология, за которую и стыдно, и глаз жжет. Даже пейзажи снимаются сегодня оголенно, эротично. И всюду — образные подмены и культурные перформансы!

Так, совершенно неожиданно на территории бывшего какого-нибудь завода, к примеру, в Центре творческих индустрий «Фабрика», вы можете наткнуться на выставочный зал, который предложит вам вот сейчас побывать у шаманов Хивы и Забайкалья [21]. Основная видеолента идет на экране, но вот звук переходит в зал и ведет, ведет, теперь реконструкция уже здесь, рядом с вами, у электрокамина со свирелью. Интересно! Завораживающе! Зрители в восторге — какая энергетика! «А почему я не могу интересоваться якутским шаманизмом? — видя ваше недовольство, недоумевает молодящаяся смотрительница. — Я и в наш храм хожу!»

Что это, как не **духовная энтропия!** Видимо, мы утрачиваем чувство родного как целого, как некоего нерасторжимого духовно-душевного союза; верность, если она не выгодна, редкость сегодня. Запущен ка-

кой-то процесс опустошения души, опростания ее, освобождения от груза памяти, впечатлений.

Каким образом?

Через открывание внутреннего. Если Иван Ильин говорил, что христианство — это «дух овнутренения» [12, с. 13.], то сейчас нормой стало стремление к тотальной публичности. Люди готовы сейчас же обнародовать всё, что только что схватил их глаз, слух: еще не родилось чувство, еще ничего не понято — но уже опубликовано, открыто для всех! Сокровенность, сокрытость сердца сегодня непопулярны, а ведь это необходимые условия для духовной жизни.

Но ведь если жить по Евангелию сегодня, что получится?

Однажды после моей лекции о Заповедях подошел ко мне симпатичный молодой человек, подошел вроде как с вопросом, а сам просто так сказал: «Если я не буду воровать, меня убьют». Метрах в пяти стояла миловидная его девушка, жена ли, подруга ли? Это была та замечательная пара, при взгляде на которых сердце радуется. Что я могла ему ответить?! Что-то сказала, не помню, было это лет 20 назад. Сейчас с такими вопросами не подходят: одни таятся, другие и так знают, как им жить и что сказать, если спросят.

Честно признаемся, «жить с Богом» здесь у нас трудно, заберет тебя из жизни этого мира, из ее садов и спектаклей, окажешься на обочине или вообще за бортом «титаника»... Потому-то, наверное, даже тихий призыв к жизни по правде воспринимается сегодня как привычный архаизм официальной риторики, и никто на него не реагирует. Альберт Швейцер в 1923 г. написал: «Мы вступили в новое средневековье» [9, с. 53]. Недолго же оно длилось! Эпоха варварства на пороге!

Но выражается варварство не только в появлении славянских или других языческих общин, но в общем духовном утилитаризме, в отступлении от высокого призвания человека. По сути, культура повернула вспять. И это не социальный и не религиозный — это **антропологический, а значит, онтологический феномен**. Апокалиптическое расширение выхолощенного внутреннего пространства до внешнего теснит душу мирским, сужается поле для таинства веры. Языческое сознание подвело нас к пропасти варварства. Духовная энтропия равнодушия и холодности сердца нарастает и несет гибель христианской цивилизации.

P.S. Оглядываясь на пройденное.

Невозможно не вспомнить здесь последнюю работу народного мыслителя Геннадия Михайловича Шиманова «Причины гибели христианской цивилизации» [10].

Главная болезнь христианского мира, — считает он, — это профанация господствующего типа христиан.

«Пока Церковь была гонима, она очищалась гонениями от всего безнравственного, что могло к ней пристать. О том, что христиане могут выродиться в условиях торжества Христианства, едва ли кто думал. Но что получилось на деле?»

После того как Христианство стало господствующей религией, в Церковь повалило множество законопослушных граждан, привыкших равняться на своих императоров. А к этому множеству прибавилось множество карьеристов самого разного толка и ранга. А после того как государство стало преследовать язычников, в состав Церкви вошли и они, запутанные угрозами наказаний. Но кем они стали на деле?.. Едва ли хо-

рошими христианами. Однако по своей внешности они старались ими выглядеть.

И эта огромная разнородная масса затопила прежнее христианское меньшинство, растворила его в себе почти без остатка. Барьер, отделявший лучших от худших, был снесен, и началось их смешение. А при смешении лучших с худшими всегда побеждают худшие по той причине, что они более эгоистичны. А если так, то и живут в той или иной мере за счет лучших. Они истощают высоконравственных людей и усиливаются за их счет. А те, наоборот, слабеют. Не сразу, постепенно, но слабеют.

В результате эволюции такого рода (которая была, как и положено эволюции, постепенной) у христиан слабела снизу доверху и способность к самостоятельному мышлению. А что значит утрата способности мыслить самостоятельно или изначально отсутствие в человеке такой способности?.. Это скрытная катастрофа Церкви и государства. Медленная катастрофа, очень медленная, но неизбежная, если ни Церковь, ни государство не найдут в себе силы осознать это зло и начать от него избавляться.» [10, с.3, 6].

И другую болезнь, приведшую христианский мир к упадку, называет Шиманов — незавершенность «симфонии» Церкви и государства.

«Идеология союза Церкви и государства как «симфония двух властей» правильно ориентировала Церковь и государство на гармонический их союз, но умалчивала о том, что совершенная гармония в этом грешном мире невозможна.

Умалчивала она и о том, что природа Церкви и природа государства различны, а потому и характер восприятия действительности ими тоже различен: Церковь

видит действительность в гораздо большей степени под знаком вечности, а государство — в гораздо большей степени с точки зрения конкретных политических нужд. Поэтому какие-то противоречия между союзниками, при всём их согласии в главном, неизбежны.

А если так, то как относиться к этим противоречиям? Как заключать их в разумные рамки, чтобы они не разрастались и не подрывали столь драгоценный союз?.. Чтобы ни Церковь не уродовалась подчинением ее государству при ее несогласии с ним, ни государство не уродовалось навязыванием ему не свойственного ему образа мышления и действий?

Церковь может быть здоровой только в том случае, если ее мысль и ее действия независимы от государства. Независимы, по крайней мере, в самом главном. И государство может быть здоровым только в том случае, если рядом с ним находится здоровая Церковь, чья мысль независима от него и потому может одобрять или не одобрять какие-то государственные идеи и нормы жизни, < ... > для того чтобы большинство или какая-то его часть не утратили своего достоинства и не превратились бы в рабов или полурабов правящего слоя» [см. 10, с. 42].

Эти простые размышления нам кажутся столь ценными, что мы отважились их привести как избранные стихи или мысли вслух — без комментариев, чтобы у читателя возникло чувство живой беседы с одним из тех, кто, как и знаменитый известный философ Вальтер Шубарт, считал, что «только Россия способна одухотворить человеческий род, погрязший в вещности и испорченный жаждой власти» [11.с. 64].

Наше отступление в язычество действительно смерти подобно, как солнечное затмение перед походом Игоревым, оно предвещает народам цивилизованное варварство и рабство комфорта и потребительства.

Да не будет!

Библиография

1. Шипков А.В. Во что верит Россия. СПб.: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 1998.

2. Наука и религия. №1, 1997.

3. Саберов Р. А. «Языческое картирование»: к вопросу о структурном состоянии современных славянских языческих организаций./ http://domhorsk.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/spp/2015-5/saberov.pdf. (Дата обращения 23.11.2016).

4. Атлас религий и национальностей России/ <http://sreda.org/arena> (Дата обращения 25.11.2016).

5. Дворкин А.Л. «Неоязычество в России: современная ситуация». Доклад на 8-й встрече центров по изучению новых религиозных движений и тоталитарных сект. 17–20 сент. 2015 г. <http://iriney.ru/sektyi-i-kultyi/sektovedenie/konferenczii/viii-vstrecha-mezhpravoslavnogo-soveshhaniya-czntovena/a.l.-dvorkin.-doklad-neoyazychestvo-v-rossii-sovremennaya-situacziya.html>. (Дата обращения 25.11.2016).

6. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Изд. политической литературы, 1990.

7. Яд (Ярослав Добролюбов). Монотеизм, Язычество, Сатанизм и Логика Истории. — Сайт «Славянское язычество»: <http://www.paganism.ru/pag-sat.htm>; (См. также ссылку. №8).

8. Иеромонах Виталий (Уткин). Россия и новое язычество. Сайт Свято-вознесенского храма г. Курганинска. <http://www.svhram.ru/kontent/missioner/knigi&staty/ieromonah%20Vitalii%20'Utkin'-Rossiya%20i%20novoe%20yazychestvo.pdf>. (Дата обращения 01.12.2016).

9. Швейцер А. Культура и этика./ Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс. 1992. Ср. «Так мы вступили в новое средневековье. Всеобщим актом воли свобода мышления изъята из употребления, потому что миллионы индивидов отказываются от права на мышление и во всем руководствуются только принадлежностью к корпорации».

10. Шиманов Г.М. Причины гибели христианской цивилизации. http://shimanov.narod.ru/prichini_gibeli.htm; первоначальный текст http://ruskline.ru/analitika/2013/04/25/prichiny_gibeli_hristianskoj_civilizacii/ (Дата обращения 01.12.2016).

11. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000.

12. Ильин И.А. Основы христианской культуры. <http://fictionbook.ru/static/trials/00/17/73/00177397.a4.pdf>. (Дата обращения 01.12.2016).

13. Сурова Л.В. Деревьев леса. Стихи и эссе. М. 2014.

14. Соловейчик А. /1 сентября/ <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200002802>; видео <http://zebroid.tv/watch/crJJE0kpCNS/artem-solovejchik-o-shkole-shhetinina.html> (Обращение 01.12.2016).

15. Ван дер Леув, Герард. Введение в феноменологию религии (фрагмент) / Религиоведение. 2015. №2.

16. Викторова М. Загадка Збручского идола. Сайт. Новости археологии и истории. http://oursociety.ru/publ/zagadka_zbruchskogo_idola/1-1-0-59 (Дата обращения 01.12.2016).

17. Устное сообщение, переданное Суровой Л.В. 15 февр.2017 г. Эколавка. Москва, Аптекарский пер. д. 2/7.

18. Александр Саврасов. Престольный солесвод. Волгоград. Изд.: «Счастливый мир». 2016.

19. Форум «анастасийцев». <http://fermer.ru/forum/rabota-pr-edlagayu-ishchu-perezd-v-selskuyu-mestnost/71169>

20. Международный портал «Анастасия». http://www.anastasia.ru/static/patrimony_list.php

21. Центр творческих инициатив «Фабрика». Абрам Броди. Перформансы: ONGON и SpiritBody. www.labrikacci.com

22. Ирина Паперно. Семиотика поведения. Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 28 -33. http://krotov.info/libr_min/16_p/ap/erno_01.htm

23. Исторический дискуссионный клуб. <http://historicaldis.ru/blog/43536027673/Kto-finansirUyet-novuyu-hronologiyu-Fomenko-i-Nosovskogo> [Дата обращения 21.02.2017].

ВОСЛЕД ХУДОЖНИЦЕ

Роль искусства в деле православного воспитания

Чтобы понять, какую роль играет искусство в деле воспитания, надо вспомнить, какую роль играет искусство в жизни, зачем оно нам дано?

И первое, что важно для нас, — дар искусства имеет только человек. Богатый природный мир и даже высшие развитые животные не имеют искусства, не имеют потребности творить. Почему же человек даже на своих ранних, доисторических ступенях развития обращается к искусству? Зачем оно ему? И что же такое искусство?

Определений множество. Людей во все времена интересовала это особая способность человека и человечества. Суммируя, можно принять академическое словарное определение, что «искусство — **творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах**» [1, V; с. 470]. Но что понимать под действительностью? Только ли окружающую нас жизнь видимую, внешнюю? Нет, действительность — это и наша внутренняя жизнь: душа человека — действительность, и множество незримых процессов, текущих внутри жизни, тоже ее действительность, и, наконец, прошлое, на котором мы стоим, тоже действительность для нас — действительность основания и опоры.

И отсюда ясно, что искусство — **хранилище опыта человечества**. Слово «искус» в значении «опыт» было широко употребительно в языке древнерусской письменности», — заметил академик Виноградов В.В. [2, с. 12–13].

Итак, искусство отражает и видимое, и невидимое. Множество произведений созвучно эмпирическому множеству мира, его явлениям и процессам. Говоря об искусстве в целом, мы говорим об этой полифонической интегративной сумме произведений, представляющей целое мира в его движении и развитии. Искусство как некое чудесное зеркало, как живая вода Белоозера, помогает нам увидеть и понять жизнь и нас самих. А это непросто: находясь в текущем процессе, мы видим только часть, ограничены и временем, и местом, и своими пристрастиями. Искусство же, честное художество, преодолевает частное и открывает всеобщее, оно выявляет созидательные и разрушительные силы в прошлом, образами заглядывает в будущее и, главное, питает наше чувство правды в настоящем, заставляя человека напрягать свои духовные силы и искать не трафаретных решений, а думать, чувствовать, отвечать за всё. Искусство дает возможность увидеть целое и делает нас зрячими.

В основе искусства лежит духовное свойство человеческой души — способность проникать в суть вещей и явлений. Полнота человека: дух, душа и тело — здесь, в земном нашем пути, полноту выражения находят только в искусстве, в его сфере идеального и прекрасного. Жизнь, обремененная плотью и кровью, даже в своих высших подвигах не способна отразить высокие чаяния нашей души, жажду любви, верность.

Искусство путеводит к Истине. Метод его — художественное исследование. Предмет его исследования — мир, жизнь, человек, Бог. Но не частное представление того или иного художника способно дать нам искусство, оно — явление общественное, хотя и рождается в конкретном человеке. Настоящими движущими силами его является время, эпоха и, конечно, Творец.

Конкретный делатель — только инструмент, о чем единодушно свидетельствуют статьи и более всего дневники писателей, художников, музыкантов: «**Не знал, пока не произнес**»; «Воля поэта к воплощению... существовать желающего» [3, II; с. 391]; ну и пушкинское хрестоматийное: «Какой номер выкинула Татьяна — она вышла замуж...».

Искусство — не самовыражение художника, не способ самореализации, как сейчас принято говорить; дар искусства дает возможность человеку решить некую духовную задачу времени, открывшуюся здесь и теперь и требующую ответа. Искусство и есть этот ответ на незадаанные вопросы мира» [3, II; с. 395].

Несомненна и культовая природа искусства, диалог с высшими силами. История сохранила образцы и формы этого духовного диалога, причем в язычестве это всегда была попытка договора: как-то «задобрить», отвести силы тьмы. Христианское время дало образы диалога любви, стремление узреть Бога в жизни. Не случайно ведь Левитан, выводя учеников на натуру, говорил им: «Дайте красоту, найдите Бога, передайте не документальную, но правду художественную!» [4; с. 229]. Чувствование художественной правды — путь к истине, который открывается в искусстве. Именно там, в искусстве, происходит встреча временного и вечного, частного и всеобщего, насущного и личного, кажущегося незначимым, но родного и включенного в общий поток жизни.

Любое произведение искусства — творческий акт человека и самой жизни, Божественного промысла. Произведение рождается и посылается как проводник, оно выявляет ложь мира и через красоту и гармонию поддерживает и развивает в нас чувство истины —

как чувство целого. Вот почему развитие способности к искусству, дара художества в человеке можно считать духовной задачей воспитания личности. Но если дар искусства присущ человеку, необходимо выделить этапы, ступени его созревания. Это и должно подсказать нам виды и формы педагогического участия в этом духовном процессе.

1. Первый этап развития дара художества. Естественное детское художество.

Ребенок рисует, лепит, поет, изображает мир в позах и движении. До письменной речи восприятие его целостно и живо, он интуитивен и честен в отражении зримого и незримого. Его художественная правда есть правда самой жизни. По детскому рисунку можно определить и приоритеты в семье, и внутреннюю зажатость, и угрозы среды, и болезнь.

Каким может быть участие педагога на этом этапе?

Организация впечатлений и предоставление возможности их отразить. Выводим на лужайку, показываем цветы, деревья, рассказываем истории, как они растут и чем помогают человеку, животным. А дальше или здесь же, на пленэре, или в классе предлагаем детям нарисовать историю какого-нибудь цветка/растения, даем краски, кисти, реже фломастеры, и большие листы (А3). Мы не говорим им, как надо рисовать, и даже не говорим, что рисовать — мы предоставляем возможность жить в образах.

Не только рисование и лепка, то есть пластические формы искусства, доступны детям, некоторые начнут что-то напевать, бормотать во время рисования, кто-

то будет двигать плечами, мотать головой, высовывать язык...это сопутствующие действия, не отсекаем их. На первом месте у нас — любовь к изображаемому, память и внимание. Развиваем **дар восприятия, дар внимания к миру, существующему во множестве форм!**

Натуру заменить нельзя, но ее надо сочетать с рассказами, сказками, лучше всего народными, с живым словом. И опять предлагаем нарисовать, что слышали. И тут уже можно уточнить, что изображаем, кто, где и что делает. Затем из детских рисунков составляем рассказ и устраиваем коллективный просмотр.

Обсуждение работ — важнейший педагогический развивающий акт. Но надо научиться говорить о работе, не оценивая, не сравнивая и не акцентируя ее стиля. Смотрим, что изображено, а не как нарисовано [5; с. 215].

Конечно, на этом этапе огромное духовное значение имеет встреча со словом. И здесь надо понимать, что педагогу нужно ставить задачу не развития речи, а **развития языкового сознания**, то есть способности понимания смысла, а не бойкости словоговения как такового. Напомним, что риторика была выброшена из первых христианских школ, как раз чтобы не порождать навык пустоговения в учащихся [6; с.10]. И только в период нового времени под активным влиянием католицизма, а точнее иезуитов, она была введена в школы.

На вопрос же, как развивать речь ребенка, ответ простой — в мотивированном диалоге, то есть в обсуждении сути увиденного, услышанного [5; с. 260].

Другие виды искусства: музыка, песня, кино, театр — также очень нужны детям в этом возрасте. Они способствуют внутреннему развитию личности, создают фон, контекст жизненного повествования, которое

наполнено и драмой, и поэзией, и красотой — но все должно служить главному: призывать сердце ребенка к стоянию в правде.

Учить форме и стилю на этом этапе вряд ли нужно. Свобода восприятия, о которой мы не раз говорили, здесь будет гарантом детской правды.

2. Второй этап. Встреча с культурой как отражением опыта человечества.

Метод педагогики этой ступени двоякий:

1) прежде всего, надо поместить произведение в его исторический, культурный и личностный контекст, понять, где, когда и чем оно рождено;

2) учить детей деятельному созерцанию.

Здесь также есть несколько уже найденных неукоснительных правил.

Задача педагога — подготовить ребенка к жизни, это главное, и примеры искусства служат этому. Не искусство изучаем, а жизнь, прошлую, настоящую, будущую. Произведения искусства дают нам все пережить, почувствовать, сопрячь со своим личным опытом — и тем готовят нас, наши чувства к жизни, к предстоящим трудностям, борьбе, переживаниям. Вот роль искусства. И потому на этом этапе более всего нужна детям классика, тот золотой фонд культуры, который накопило и сохранило человечество. И всего важнее для детей опыт прошлой борьбы сил добра и зла, правды и лжи, чести и предательства. Драматическое сюжетное переживание — движитель отроческого внимания. Поэтому и здесь не стиль и не форма произведения, но его содержание — вот что усваивается и формирует личность.

Предлагаемые образцы должны не повисать в воздухе, а иллюстрировать историю, судьбу, время. Не художников изучаем, не писателей и поэтов — но жизнь, которую они отразили, то из жизни, что волнует нас до сих пор, с чем мы связаны. И потому здесь более перспективен не свод персоналий, а тематический подход: не Глинка, а «Сусанин» Глинки, не Суриков, а «Боярыня Морозова» Сурикова.

Отрочество — время формирования идеально-героического в душе, форма не волнует так, как пронзает драматургия сюжета [7; с. 65–72]. Какой же может быть форма закрепления материала, точнее, отражения его на этом этапе? **Выявление структурной композиции произведения.** Даже сложное произведение может быть представлено в виде начального подмалевка с ритмически точной расстановкой героев, цветов и теней. Структура, сохраняя целое, избавляет от деталей, которые требуют мастерства.

А. Структурное композиционное рисование-вторение — главное на этом этапе. Что здесь важно знать педагогу? Композиционный рисунок не нужно подправлять, добиваясь каких-то точностей и приятных форм, его правда — в композиции, которой учатся друг у друга на общих просмотрах. Язык искусства, а точнее, выражения, усваивается здесь в его еще утробных ритмических началах. Каждый рисунок, по сути, ясен и по форме незавершен, то есть он — эскиз чувства, переживания, события. Он есть погружение в событие, слияние с ним, что является очень важным в воспитании души [5; с. 278].

Б. Из словесных форм, кроме просто чтения и учения стихов, пожалуй, самое полезное и веселое занятие — **реставрация текста.** Когда ребятам предлагается также погружение в ритмическую стихию стихотворения,

в котором отсутствуют определенные слова — звенья ритмической цепи. И хором, в классе, с дирижерской рукой учителя, дети становятся соавторами поэтов, угадывая пропущенные слова.

В. Диалоговое (дискретное) чтение: каждое прочитанное совместно произведение делается предметом личного переживания. Здесь происходит встреча личного опыта читающего с реальностью произведения, и возникает диалог времен и культур, образования и опыта [5; с. 201–202].

Г. После пластических и языковых методик, представленных в нашей книге «Открытый урок», мы обратились к синтетическим видам искусства: был разработан проект **бумажного литературного театра**. Здесь главным было не показ и представление действия, а создание его контекста, рисование декораций и затем чтение текста по листу в этих декорациях. Тематически были избраны два библейских сюжета: «Три отрока в печи огненной» и «Пир Валтасара».

На этом этапе развития художества есть и необходимые запреты. **Запреты демонстраций, конкурсов и наград.** Тщеславие не растим.

3. Третий этап развития дара художества — постижение языка искусства.

И здесь важно сочетание высоких образцов искусства с личным отражением жизни и своего переживания. Надо уберечь юношу от разглагольствования о прекрасном, чтобы не убить чудо красоты мертвым словом. Художественная правда будет открываться ему вместе с правдой жизни, личного участия в ней и пережива-

ния. Здесь надо брать в проводники великих мастеров. «Метод искусства, — писал Фаворский, — так же, как и науки, строится на том, что человек забывает себя ради правды в искусстве или в науке, ради красоты и справедливости... Что такое правда? Это не правдоподобие. Ей противопоставляешь не неправду, а ложь... Мы изображаем правду, но правду не просто перечисление — что есть, а правду-красоту, правду-справедливость. Правда утверждается как вещь в материале» [8; с.135, 140].

Именно на этом этапе и надо заложить правильные понятия об искусстве настоящем, честном, научить распознавать подделки, которые наполнили сейчас мир псевдохудожественными химерами. И надо будет учить выявлению лжи и противостоянию ей как нарушению Божией заповеди «не лжесвидетельствуй!».

Всё сказанное относится и к церковным видам искусства. Икона и фреска, сокровища нашей церкви — высокие образцы искусства, созерцать их — радость и честь. Мы наследники этой жизни в культуре. Но начинать с обучения рисовать иконы — опасно! Внешние приемы усвоятся быстро, но найдет ли там отражение сегодняшняя жизнь церкви и душа отрока и юноши? Копии и повторения прошлого не расскажут нам о нас — «молчащее искусство» не может быть проводником, и оно небезопасно [9; с.10].

«Произведение искусства хорошо тогда, когда оно создано по внутренней необходимости», — говорил Рильке [10; с. 328]. Вот перед нами новая педагогическая задача — не подтолкнуть к симуляции, не учить создавать произведения в том или ином виде искусства без внутренней потребности и одновременно не подталкивать к освоению ремесла искусства просто как формы деятельности.

Нельзя провоцировать личное творчество без его внутренней необходимости: не писателя готовим, но читателя! Не возбуждаем желание быть артистом, не учим внешним приемам выражения ни в каком виде искусства, но обращаем внимание на форму прекрасного и изучаем образцы и шедевры, которые уже в изобилии накопило человечество. И пусть «креативность личности», как сегодня любят говорить, выражается в переживании прекрасного, а не в фальсификации творчества, столь распространенного в сегодняшней школьной среде.

Особо хочется сказать о поэзии, царице муз, как ее называли греки. Почему-то редки стали кружки художественного слова, то есть исполнения стихов, почему-то подталкиваем детей писать самим. Или не дают нам покоя лицейские сочинения и вирши гимназистов? Но ведь они были перепевами десятков выученных од и элегий, родились, так сказать, в подражание классикам. Наши же массовые поэтические опыты — чудовищная безвкусица, если не «похвала глупости». Развивать литературный дар можно и нужно через вкус к слову. Надо предлагать детям писать заметки, наблюдения, дневник природы и жизни, где будем стараться описать не свое чувство, а то, что мы видим, слышим, наблюдаем, что взволновало и не уходит из памяти. То есть занимаемся языковым развитием сознания и не подталкиваем ни к «датным» стихам, ни к незрелым декларациям с чужого голоса.

4. Четвертый этап — школа мастерства и становление вкуса.

Это уже кружковая, студийная работа, которую должен вести только мастер, так как организывает-

ся она по видам искусства. Проявившаяся способность к той или иной форме, то есть языку искусства, толкает юношу учиться этому искусству, постигать его форму, открывать в его языке большие и большие глубины. Но опять — не самовыражение и не демонстрация индивидуальности дают целомудренное развитие, а созерцание отношений, которые являет произведение. И счастлив тот, кто сохраняет благоговение к дару художества и не торгует им. Страшна школа натаскивания, обучения приемам — она непоправимо уродует личность. А путь вслушивания в жизнь, вникания в форму, в движение ритма труден, но именно из этого неуловимого трепета севшей на руку чудо-птицы и рождается живая композиция — как жизнь среди жизни.

Еще одно замечание. Путь мастерства не исключает встречи с другими видами искусства. Но здесь мы будем как зрители и дети — непосредственные участники переживания. Надо поддерживать в себе не потребительское, не целевое отношение к художеству, но чистое созерцание. И как полезны здесь совместные просмотры киношедевров!

Этот этап уже не школьная, а студийная область, но хорошо, когда они сопряжены. Школьный оркестр или театр может родиться и существовать в школе, но задачи такой мы не ставим, никогда не подталкивая детей к симуляции, чтобы не сделать их лжецами и завистниками.

Да будет нам уроком первый вариант повести Гоголя «Портрет», напечатанный в «Арабесках», где автору открылись таинственные силы искусства, за которыми испокон века охотится враг рода человеческого. И будем помнить, что во власти человека, художника сохранить эти живые силы для службы Богу или рассеять сокровище во тьме...

Послесловие

И в заключение необходимо сказать о недостаточности искусства в деле воспитания личности. Развивая богатое восприятие, щедро питая чувства, искусство не может осуществить задачу целостного духовного воспитания, так как дух наш руководим разумом и лишь в обозе своем имеет семью чувств. Разум же развивается не искусством, а более всего вниманием к жизни и опытом. А это методы науки. Наблюдение, рассмотрение, сопоставление, сравнение, выделение главного, общего, распознавание частного, и, наконец, измерение, счисление — весь этот анализ невозможен в чувственной области.

Трезвение, к которому зывают отцы Церкви, требует развитости ума, чувства меры, пропорции, способности связывания фактов жизни мира и этапов внутренней жизни человека. Подобие — как распознавание и уподобление, как путь жизни — требует навыков логики и математики, «потому что все оттенки смысла умное число передает» (Н. Гумилев).

Можно ли назвать трезвение рациональным началом личности? Да! Это скала, возвышающаяся над морем чувств, с которой видны дальние горизонты, незримые «несмысленному» сердцу. Вот почему наука так необходима в деле воспитания человека. Наука прививает критичность и, открывая законы природы, «через рассматривание творений» (Рим. 1.20.) учит законам Божиим. Но структура мироздания открывается не холодному уму, не способному охватить целое, но уму, привлечшему к себе сердце.

Итак, именно наука осуществляет мужское начало в воспитании и развитии личности, и именно она долж-

на лежать в основе всего педагогического дела. Перекося же в сторону развития чувств делает ребенка беспомощным перед самим собой, безвольным и не даст ему верной ориентации в пространстве жизни, истории и культуры.

Наука помогает человеку жить, а в искусстве уберегает от горячих мифов, которые, как фантомы, возникают в лоне культуры — и попробуй не поддайся их силе и власти художества! Как пример можно вспомнить картину знаменитого польского живописца Яна Матейко «Стефан Баторий под Псковом» (1872 г.). На картине изображен эпизод Ливонской войны (октябрь–декабрь 1581 г.) — посольство царя Ивана Грозного к королю польскому и великому князю литовскому Стефану Баторию.

Стефан Баторий изображен сидящим на походном троне в рыцарских доспехах, в расшитом золотом плаще, с обнаженной саблей. Трон поставлен на медвежью шкуру, у ног Батория — захваченное знамя неприятеля. Слева (сильная позиция) — высокомерный, надменный взгляд полузакрытых глаз, справа (слабая) — униженные русские послы в несуразных позах.

Со стороны «просящих мира» бросается в глаза и вызывает недоумение фигура владыки Киприана: в богато расшитом золотом облачении, коленопреклоненный, он протягивает королю хлеб-соль на золотом блюде. Чуть в стороне от владыки по-стариковски приседает или падает на колени Григорий Нащокин. В правом углу — бессильное русское воинство, оно не на коленях, осажденный город еще не сдан, но бойцы не бойцы.

В центре композиции — выразительная фигура в черном, это иезуит Антонио Поссевино, папский ле-

гат и посол к Ивану IV. Одна рука его протянута к Баторию, другая делает охранительный жест в отношении владыки Киприана.

Это историческое полотно гигантских размеров 322 × 545 см. Вся картина горит цветом, выразительны лица, позы, одежды точны и правдивы. Но эта правда — правда в малом, которая прикрывает историческую ложь.

Описание этих событий достаточно освещено в документальных источниках: это и дневники участников второго похода Стефана Батория на Россию Яна Зборовского, каштеляна, командовавшего отборной частью армии Стефана Батория, и Луки Дзилынского, начальника авангардного войска Стефана Батория, и дневник осады Пскова Стефаном Баторием, который, видимо, писал секретарь королевской канцелярии Станислав Пиотровский [11, VI; с. 387]. Также сохранилось русское произведение «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» [12; с. 5].

И все они свидетельствуют об одном. Во время Ливонской войны (1558–1583 гг.) Стефан Баторий расположился под Псковом в лагере со всей роскошью. Однако все его попытки взять город штурмом окончились неудачей. Пять дней приступали гайдуки к Пскову, подгоняемые саблями гетманов и рохмистров, но псковичи положили их «яко мост по льду». Псков не был взят Баторием.

Также исторически достоверно, что посольство Ивана Грозного не предстояло Баторию. На самом деле переговоры о мире шли не под стенами Пскова, место для переговоров было назначено в деревне Запольный Ям, но так как к декабрю она была почти сожжена, переговоры перенесли в деревню Киверова Гора, за 15

верст от Запольного Яма. В историю же договор 1582 года вошел по имени сгоревшей деревни.

Баторий не присутствовал на этих переговорах лично, обсуждение вопросов мира шло с воеводами Збаражским, Радзивиллом, с русской стороны их вели князь Дмитрий Петрович Елецкий и думный дворянин, печатник Роман Васильевич Алферьев-Безнин.

И ни архиепископ Киприан, изображенный на коленях, ни Нащокин в переговорах 1581–82 годов не участвовали. Киприан, архиепископ Полоцкий и Великолуцкий, проявил себя во время осады Полоцка в 1579 году. Когда воеводы выслали неприятелю переговорщиков о сдаче города, Киприан не согласился с этим решением. Он вместе с другими воеводами намеревался взорвать крепость, но когда это не удалось, то они при вступлении в город неприятеля закрылись в церкви Святой Софии и объявили, что их могут взять только силой. 11 августа 1579 года архиепископ Киприан был взят в плен. Так что на картине Матейко духовный образ владыки явно искажен.

Единственной достоверной фигурой, присутствовавшей на переговорах 1581–82 гг. и изображенной на картине «Баторий под Псковом», был иезуит Антонио Поссевино, роль которого в стремлении склонить Русь к унии была первейшей.

Суть же договора была такой. Россия отказывалась в пользу Речи Посполитой от всех своих владений в Прибалтике и от владений своих вассалов и союзников: от Курляндии, уступая ее Польше; от 40 городов в Ливонии, переходящих к Польше; от города Полоцка с поветом (уездом); от города Велижа с округой.

Речь Посполитая по договору возвращала царю захваченные в течение последней войны псковские

коренные земли: «пригороды» Пскова (то есть города Псковской земли Опочку, Порхов и другие, попавшие в зону военных действий), Великие Луки, Невель, Холм, Себеж — исконные новгородские и тверские земли, захваченные в ходе последней трехлетней войны.

Вот сколько подробностей и особенностей у этого исторического события. А что же изобразил художник? Он собрал разные факты, придал им свою окраску и поместил их на одну картину. Что это? Идеология, или обобщенный собирательный образ, который открылся художнику, или, может быть, тайный заказ?

Ответ должен быть честным. Погрешил художник перед исторической правдой, поддался своим пристрастиям. Вот что пишет Репин в своем дневнике «Письма о живописи». Письмо 2-е от 23 октября 1893 г. Он ехал в Краков на встречу с Матейко, а попал на его похороны, и слова эти стали эпитафией: «Да, Матейко имел великую национальную душу и умел горячо и кстати выражать любовь к своему народу своим творчеством. В минуту забитости, угнетения поработанной своей нации он развернул перед ней великолепную картину былого ее могущества и славы». Репин имеет в виду, конечно, не только «Батория под Псковом», но и другие исторические полотна Матейко, где историческая правда не искажена. «Двадцать лет назад, на венской выставке, картины его произвели на меня глубоко потрясающее впечатление. Трагическая «Проповедь Скарги», величавая «Люблинская уния» и сейчас точно стоят у меня перед глазами. Не забыть ни этих коленопреклоненных фигур, облаченных в черное, на золотом фоне, ни простертых рук кардинала в красных перчатках. Хартия, ветхие книги, величавые магнаты, прелаты — все это живописно перепутывалось в своей особой атмосфере, волновало и увлекало зрителя» [13; с. 385–388].

Вот перед нами оценка мастера мастером, пусть даже и в день похорон! Репин не скрывает своих вопросов, возникших перед холстами Матейко, — но он захвачен их силой, цветом, страстью. И созданный исторический миф отходит на второй план перед живостью чувства. Вот действие искусства и его ловушка, в которую могут угодить многие!

Пример этот поучителен, так как он открывает нам ложные пути частной правды и пристрастий. Желая воспитать человека с мудрым сердцем, который не попался бы на крючок разнообразных политических и исторических мифов, мы должны научить его мыслить, сопоставляя факты и связывая их один с другим, воссоздавая контекст события и контекст создания произведения об этом событии. Это и приведет за собой понимание.

Наука объясняет жизнь и освещает многомерное пространство культуры. Именно наука уберегла русское искусство от пленения эмоциями, воспитывая дисциплину переживания. Та стройность, точность, иерархичность, которые присутствуют в языке, точных и естественных науках — лишь отражение стройности и иерархичности мира. Недаром существует понятие «красивая формула», «красивый результат»: достиг стройности выкладок — близок к истине! Современному человеку, оторванному от жизни земли, не чувствующему дыхание природы, наука — это надежный посох в пути к постижению правды. Ибо полужнание, которое создается заказной кричащей публицистикой, делает человека ведомым «всезнайкой». Он научен отвечать, а не спрашивать, закрывать проблемы, а не исследовать их. Он и не знает, что в организованном вокруг шума потерял главную свободу —

свободу своего восприятия, а вместе с ней и свободу рассуждения и понимания.

Наука учит не ответу, а вопросу. И чем корректней он будет, тем стройней растёт древо ума. Лишняя отточность языка науки, мы делаем его неспособным и к художеству в высшем смысле этого слова. Художество подменяется дизайном, тем поверхностным лоском, который не отражает внутренней структуры явления, но задаёт определенный имидж, то есть форму. Дизайн агрессивен, так как не обременен внутренним содержанием, и потому он пожирает искусство и саму нужду в нем. И дело наше — пресечь эту агрессию, не дать слуге стать господином: тень должна знать свое место!

Наука и искусство, пропорционально наполняя жизнь отрока и юноши, гармонично развивают внутренние структуры его личности, без становления которых невозможно никакое духовное творчество, ни понимание, ни созидание. И хотя армия «знаек» велика, и нелегко в этой среде вопрошающему, ищущему путей правды и диалога, свет невечерний будет править и просвещать его сердце — и оно сможет послужить людям.

Список литературы

1. Академический словарь современного русского литературного языка в 17 тт., Изд. АН СССР, 1948–1965 гг. т. 5.

2. Виноградов В. В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966, № 6. // Некоммерческая электронная библиотека «Etymolog.ruslang.ru»// <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=iskusstvo&vol=3> (22.10.2016).

3. Цветаева М.И. Искусство при свете совести. Попытка иерархии. / Сочинения в 2 тт.: Изд. Художественная литература, 1988 г. Т. 2.

4. Левитан И. Письма. Документы. Воспоминания. М.: Искусство, 1956.

5. Сурова Л.В. Открытый урок. М.: Новый ключ, 2014.

Искусство в деле воспитания

6. Дьяконов. А.П. Типы высшей Богословской школы в Древней Церкви III–VI вв. // Ученые записки. М.: Изд. РПУ им. Иоанна Богослова. 1998. № 3.

7. Сурова Л.В. Какой может быть воскресная школа? / Педагогика духовного развития. М., 2014.

8. Фаворский В. А. Об искусстве, о книге, о гравюре. М., 1986.

9. Сурова Л.В. Служить слову! / Сурова Л.В. Живопись в храме. М.: Изд. дом «Университет», 2011.

10. Рильке Р.М. Письма к молодому поэту/Новые стихотворения. М.: Наука, 1977.

11. Соловьев С.М. История Государства Российского, гл. 6. <http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solv06р6.htm> (Дата обращения 25.10.2016)

12. Фундаментальная библиотека. Русская литература и фольклор. <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il2/il2-5232.htm/> (Дата обращения 25.10.2016).

13. Репин. И.Е. Далекое и близкое. М.: Изд. Академии художеств СССР, 1960.

«НЕ СОТВОРИ СВИДЕТЕЛЬСТВА ЛОЖНА!»

Обсуждение фильма «Поп»
в библиотеке им. Ф.М. Достоевского
на Чистых прудах.
Москва, 14 апреля 2010 г.

1. Чей заказ?

Друзья! Вышел фильм, премьера которого на Пасху была в храме Христа Спасителя. Думается, что это не случайно, что это некий общественно-политический акт. Еще до премьеры фильм начали «раскручивать» все оплачиваемые СМИ и интернет-порталы, батюшки устраивали групповые просмотры для прихожан — в общем, создавался благоприятный контекст для восприятия. Я говорю о фильме «Поп», режиссер Хотиненко.

Мы помним, что несколько лет назад также с благосклонным отзывом иерархов нашей Церкви преподносился нам фильм «Остров», который под уздцы, принудительно вводили в общественное сознание, указывая, как нам воспринимать его, что думать, что чувствовать. Повтор явления настораживает: и просмотр на Пасху в главном храме Москвы, и агитация, и мягкое принуждение: батюшка сказал — все и пошли по послушанию. Вот с этого намеренно создаваемого контекста, безусловно, что-то означающего, и надо начинать рассматривать представленное «явление».

Больше всего мне хотелось бы не говорить о нем. Так, один замечательный наш поэт Иван Макаров по-

сле просмотра фильма «Остров» сказал: «Надо жить так, как будто этого фильма нет». Может быть, и фильм «Поп» также надо игнорировать, не пускать его в свою жизнь, как не пускаем ложь, клевету, разврат. Там нет ни одного достойного вашего внимания кадра, нет повода, чтобы отнимать время у людей. В стенах этой старой библиотеки, носящей имя Федора Михайловича Достоевского, мы обычно собираемся, чтобы встретиться с великим, прекрасным, услышать слово правды, вдохновить себя на стояние в истине, но сегодня повод нашей встречи другой — разоблачить ложь, противостоять ей.

Охватывает ужас от широкомасштабности этой лжи, от исторической версификации, от антихудожественности самого видового материала, от того, насколько этот материал бесстыдно преподносится. Бесстрашная наглость! Для любого нормального свободно действующего человека характерна все-таки некоторая скромность: а вдруг я не прав, вдруг что-то не то сказал, я могу и ошибаться... Тут же перед нами тотальная ложь, искажение всего исторического материала под заданным углом — и никакого смущения!

«Произведение искусства хорошо тогда, когда оно создано по внутренней необходимости», — говорит в «Письмах к молодому поэту» Р.М. Рильке. Это закон любого живого искусства, и он позволяет безошибочно, как лакмусовая бумажка, определить подделку, выявить версификацию... или работу под контролем, на заказ. Последнее, пожалуй, и есть истинная причина появления этой псевдонародной киноподделки.

В нашей сегодняшней путаной-перепутаной действительности не имеем мы права быть легковверными: история русского искусства, служившая художественной правде, история России, принявшая дух правды,

— обязывают нас; обязывает совесть каждого человека — не сотвори свидетельства ложна! Не сотвори, но и не прими его: клевета связывает грехом говорящего и слушающего.

Так что же такое эта разрекламированная кинолента с народным названием «Поп»? Чей заказ? И, главное, для чего эти образы вкрапляют в наше сознание сегодня?

Не могу молчать: по-моему, это широкомасштабная диверсия: идеологическая, культурная, художественная и, главное, духовная.

2. Искать правду, а не придумывать ее!

Давайте подумаем, каковы цели и смысл искусства. Зачем оно нам?

— Чтоб «чувства добрые я лирой пробуждал» (Пушкин А.С.).

— Поиск времени, характерных его черт.

А на что оно нам?

— Душу растить.

Да, человек — существо духовное. И хороша для него именно духовная внутренняя жизнь. Мы знаем, что правда — внутри, а не снаружи, не на поверхности быта и эмоций, она не в разрозненных фактах, а в целом явлении. Потому-то, стремясь понять время, пространство, человек не просто сопоставляет факты, но выявляет связи прошлого и настоящего, частного и общего, внутреннего и внешнего, что и открывает духовную целостность явления. Апостол Павел говорит, что «невидимое через рассматривание творений становится видимым» (Рим. 1, 20).

Рассматривание есть исследование. «Исследуйте Писания, они свидетельствуют обо Мне!» Для человека естественно исследование, наблюдение, но исследовать можно по-разному и разное. Чтобы увидеть суть явления, почувствовать целое, надо не отвлекаться на мелочи, которые порой так бросаются в глаза, может быть, даже совершить над собой усилие — и отторгнуть рой жалящих подробностей — чтобы дать дорогу духу. Именно он способен ощутить любое явление целиком, объять необъятное и незримое — дать его образ.

Вот задача любого искусства — художественное исследование сущностного, духовно значимого для жизни. Собственно в процессе этого исследования и становится понятно, что же является значимым, а что несущественным, да, да — «сотри случайные черты...».

Библия говорит, что искусство открывает Премудрость и «подготавливает друзей Божиих и пророков» (Прем. 7, 21–27). Но для этого художник должен двигаться путем правды — исторической, личностной, духовной — двигаться через новое, неизвестное, где вешками — лишь внутренние духовные маяки. А столько манков на его пути — «ну, сделай вот это для нас, и это, столько людей будут довольны, ждут, ждут...» Но художественная правда — ни для кого, она — правда образа, которую Господь открывает людям. «Духовный мир пребывает в чувственном своими образами», — открывает св. Максим Исповедник в «Вопросах и затруднениях» (М.: Паломник, 2008. С. 163). Вот этот образ и ищет честный художник.

Но бывает и по-другому. Зная всеобщую связанность одного явления с другим и учитывая познавательную потребность человека и его веру искусству, можно воспользоваться им и в нечистых целях.

Акцентируя внимание на тех или иных частностях, можно управлять вниманием людей, формировать их мнение о прошлом и тем проектировать настоящее и задавать будущее. И более того, с помощью псевдохудожественных поделок можно формировать самого человека, его убеждения и даже влиять на переживания, так сказать, задавать и вызывать ложные, то есть не подлинные, не рожденные жизнью и сердцем эмоции. Что ж! Стремление лжи властвовать над миром описано еще в Библии, и оно нарастает. Мы не должны смущаться ее активностью, но противостоять ей силою внутренней своей правды, которую нам надо уметь защищать.

Итак. Возвращаемся к фильму «Поп». Он снят по повести Александра Сегеня.

Сегень родился в 1959 году в Москве, закончил Литинститут и через 3 года выпустил первый роман. Сегень как нельзя лучше вписался в постперестроечное время, стал лауреатом многих литературных премий. Он выпустил книги: «Похоронный марш», «Страшный пассажир», «Тридцать три удовольствия», «Евпраксия», «Древо Жизора», «Тамерлан», «Абуль-Аббас — любимый слон Карла Великого», «Державный», «Поющий король», «Ожидание Ч», «Русский ураган», «Солнце земли Русской», «Поп». «Державный» и «Время Ч» в широкой прессе названы мужской детективной прозой. Это явление так называемой «новой прозы», то есть вообще вряд ли прозы и уж тем более художественной, так как видна технологическая сборка текста и... угадывается соцзаказ — текст обслуживает идею.

Сегодня это явление не просто частое, а повсеместное, редки исключения, когда слово рождается из глубокой внутренней потребности жизни, которую ищет

писатель. А полки магазинов забиты совсем другим. Так что, не будем лукавить, повесть «Поп» родилась не из творческих раздумий над историческими узлами русской истории, нет в ней и малейших признаков художественного исследования. Автор вообще не обладает, видимо, историческим тактом и не любопытствует относительно движущих сил истории и противоречий времени и места.

Откуда же взялся «Поп»? А вот как Раскольникову Порфирий Петрович говорил, так и скажем: «Вы и убили!» Взялся «Поп», потому что понадобился кому-то. Кому? Зачем? Второй вопрос интереснее. Понадобился для всё того же демонтажа нашего сознания. Уж очень Россия и русские войной хвалятся, всё живут героями, как ни развенчивай их! Требование некоего мистического заказчика вслух и не произносится: сделайте-де нам вот так, — но служки безошибочно угадывают, куда ветер дует.

Итак, перед нами очередная конъюнктурная поделка. Автор отлично знает, что надо, а что не надо, самоцензура работает без сбоев. Если ты хочешь быть успешным, пой песни, которые заказывает время.

Время. Вот тайна, которая лежит у нас на спине, никак лица его не увидишь, пока не свалится с плеч ноша. А когда упала, уже другое время давит. И все-таки мы духом узнаем правду, не по крупинкам ее собираем, не по утаенным спискам восстанавливаем, правда — целое, его утаить нельзя. Но можно расколоть сознание, чтобы человек этого целого жизни не чувствовал, не мог вместить. Вот этот-то раскол и характеризует массовую публицистику и вал псевдохудожественных изделий разной тематики, но спетых дружно, с пафосом и неподдельной лакейской убежденностью.

«Не сотвори свидетельства ложна!»

3. Драма предательства

Если обратиться к историческим материалам, которые легли в основу повести Сегеня «Поп», то они раскроют многоактную драму предательства.

Мы и не знали, какое количество иерархов славили Гитлера! Не знали текста возгласения во славу «Великой Германии» и ее вождя Гитлера.

Из Воззвания к пастве Архиепископа Серафима (Лядэ). Июнь 1941 г.

Во Христе возлюбленные братья и сестры!
Карающий меч Божественного правосудия обрушился на советскую власть, на ее приспешников и единомышленников. Христолюбивый Вождь германского народа призвал свое победоносное войско к новой борьбе, к той борьбе, которой мы давно жаждали — к освященной борьбе против богоборцев, палачей и насильников, засевших в Московском Кремле... Воистину начался новый крестовый поход во имя спасения народов от антихристовой силы... Наконец-то наша вера оправдана!.. Поэтому, как первоиерарх Православной Церкви в Германии, я обращаюсь к вам с призывом. Будьте участниками в новой борьбе, ибо эта борьба и ваша борьба.

Из Послания Митрополита Серафима (Лукиянова). 1941 г.

...Да будет благословен час и день, когда началась великая славная война с III интернационалом. Да благословит Всевышний великого Вождя Германского народа, поднявшего меч на врагов самого Бога...

«Церковная жизнь». 1942. №1.

Телеграмма Всебелорусского Церковного Собора А. Гитлеру. 1942 г.

Первый в истории Всебелорусский Православный Церковный Собор в Минске от имени православных белорусов

Обсуждение фильма «Поп»

шлет Вам, господин рейхсканцлер, сердечную благодарность за освобождение Белоруссии от московско-большевицкого безбожного ярма, за предоставленную возможность свободно организовать нашу религиозную жизнь в форме Святой Белорусской Православной Автокефальной Церкви и желает быстрой полной победы Вашему непобедимому оружию.

Архиепископ Филофей (Нарко)

Епископ Афанасий (Мартос)

Епископ Стефан (Севбо)

Из Пасхального Послания Митрополита Анастасия. 1942 г.

...Настал день, ожидаемый им (русским народом), и он ныне подлинно как бы воскресает из мертвых там, где мужественный германский меч успел рассечь его оковы... И древний Киев, и многострадальный Смоленск, и Псков светло торжествуют свое избавление как бы из самого ада преисподнего. Освобожденная часть русского народа повсюду уже запела... «Христос Воскресе!»

«Церковная жизнь». 1942 г. №4.

Недоумение вызывают сейчас эти послания и приветствия. Не увидеть «людоеда» тем, кто носит панагию, нельзя. Или эта тотальная слепота вызвана политической злобой, или это какая-то колоссальная ложь, как, например, статья Е. Махароблидзе, редактора «Церковного Обозрения» и секретаря Синода РПЦЗ.

Вот отрывок из нее.

К годовщине крестового похода

Прошел год, как поднят меч Правды на самого страшного врага всего человечества — коммунистический интернационал, разносящий по всему миру разъедающий душу человека чумный яд большевизма. И вот ныне значительная часть европейской России свободна уже от этого проклятого врага и

дезинфекцией европейских войск под руководством великого Вождя германского народа обезврежена и очищена от этой заразы. И там, где давно уже не раздавался колокольный звон; там, где был безумно жестокий фронт против Бога; там, где в святом святых царила «мерзость запустения» и где славить Всевышнего считалось тяжким преступлением; где молитвы творились тайно и украдкой осеняли себя знамением креста, — там теперь разносится малиновый звон колоколов; открыто и безбоязненно, как 25 лет тому назад, с усугубленными лишь чувствами и особым волнением при слезах радости несутся к престолу Царя Вселенной молитвенные вздохи освобожденного из ада буквально погибавшего русского народа.

Особая радость охватывает нас от сознания, что мы наконец, дождалась того момента, которого так долго ждали в муках и унижениях нашего эмигрантства. И нет слов, нет чувств, в которых можно было бы излить заслуженную благодарность освободителям и их Вождю Адольфу Гитлеру, восстановившему там свободу вероисповеданий, возвратившему верующим отнятые у них храмы Божии и возвращающему им облик человеческого...

*22 июня 1942 г. Е. Махароблидзе.
“Церковное обозрение”. 1942 г. №4—6.*

Вот такая неевангельская злоба свила себе гнездо в церковных эмигрантских кругах. Злоба и ложь.

Я — 1950-го года рождения, крещена в этом же году. Дед и прадед репрессированы по навету. Семья выжила. Я закончила МГУ, журфак. На втором курсе к курсовой работе по Герцену я поставила цитату из Евангелия: «Он не был светом, но пришел, чтобы свидетельствовать о Свете». Меня не выгнали за это. В Москве много храмов, какие-то были закрыты, но много было и действующих. Мы ходили в церковь, но не так часто, как ходят сегодня, и люди там были другие: самодовольства, спеси сегодняшней не было. Я крестила своих детей и ответственно говорю: эти слова, якобы о нашей жизни, жизни России, иначе как клеветой назвать нельзя.

Но перед нами иерархи Церкви, те, с кем нас сейчас под аплодисменты объединили. И всё же они иерархи, они должны верить Христу. Я начала углубляться в материал, читать воспоминания и обнаружила чудовищную вещь — целый пласт профашистских церковных выступлений! Уже была Испания, Польша. Уже были концлагеря. Миру было понятно, кто идет. Ошеломляли невероятные фотографии, когда иерархи склоняются и приветствуют Гитлера. «Неужели он Евангелие не читал», — всё время вспыхивало в мозгу.

(Сохранились архивные фотографии, подтверждающие это лукавое непостижимое сотрудничество русских «освободителей» с Гитлером. РОА. Молебен за победу Гитлера, где в первом ряду генерал Власов. А также псковские снимки 22 марта 1942 года, где иереям передают икону, и они благословляют нацистов на «ратные» подвиги. Снимки размещены у нас на 3-й стороне обложки).

4. Из нашей святой истории

И начинаешь дальше размышлять. А Русская Церковь... В чем ее особенность? Первое, что чувствуется, — это особое отношение к земле. Как Россия приняла христианство? Почему-то приняла «чужую» веру в свое сердце и соединила с любовью к своей земле. И та земельная вера, то почитание земли, которое мы слышим в духовных стихах, связались с образом Христа-мученика и создали небывалую крепость и земле, и вере. Особенность Русской Церкви в ее земельном укоренении. Она не только устремлена в высшие небесные сферы, не только носит в себе откровение догматов, но она

«Не сотвори свидетельства ложна!»

действительно на своей земле — посольство Небесной державы. Русская Церковь любит свою землю, как и мы. Наша Церковь поместная: уйдет земля — на чем Церкви стоять? Нет, бой за Землю Русскую издревле был боем за веру.

Земля у нас не воспринималась как собственническая часть личного владения, приватизированного участка. Русская земля — это другое, это духовное пространство. А только что мы читали слова, просто враждебные Русской Земле. Но мы знаем, ничто не отделит нас от любви Божьей! Ничто не отделит русскую землю от любви Божьей, даже... еретичествующий патриарх. У нас был патриарх, который признал Лжедмитрия. Русь не рухнула. Земля выдержала, выносила это страдание и очистилась вместе с Церковью: сошел этот патриарх, и канул Лжедмитрий. Глава Церкви — не иерарх, а Господь. Также и Земля Русская переживет нестроения, предательства, найдет в себе силы очиститься и востать. В недрах ее всегда живы воины Христовы.

И в войну, в тот страшный 41-й год были пастыри, которые жили с народом, стояли против его врагов, врагов Земли Русской. Вот Обращение Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия.

Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви

В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны, но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обруши-

Обсуждение фильма «Поп»

лись на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыея, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью, и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамят же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства. Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья Разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам, нужно помнить заповедь Христову: «Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя». Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради родины. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо поглядывать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчали-

«Не сотвори свидетельства ложна!»

вость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно «ради Иисуса, а не ради хлеба куса», как выражался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины. Господь нам дарует победу!

*Патриарший местоблюститель
смирный Сергей,
митрополит Московский
и Коломенский
Москва, 22 июня 1941 года*

А вот другое обращение наших иерархов.

Близок час нашей победы

В третий раз мы обращаем свое слово к православным христианам по поводу происходящей Отечественной войны, причем на этот раз мы обращаемся с берегов великой русской Волги — из Ульяновска. Сюда, в древний русский город, хранящий светлые традиции православия, мы временно переехали, внимая мольбам верующих.

Уже пятый месяц, как началась Отечественная война. Страшная колесница войны неумолимо катится по народам, ломает и дробит человеческие кости.

Гитлеровский Молох продолжает вещать миру, будто бы он поднял меч на «защиту религии» и «спасения» якобы поруганной веры.

Но всему миру ведомо, что это исчадие ада старается лживой личиной благочестия только прикрывать свои злодеяния. Во всех поработанных им странах он творит гнусные надру-

Обсуждение фильма «Поп»

гательства над свободой совести, издевается над святынями, бомбами разрушает храмы Божьи, бросает в тюрьмы и казнит христианских пастырей, гноит в тюрьмах верующих, восставших против его безумной гордыни, против его замыслов утвердить свою сатанинскую власть над всей землей. Православные, бежавшие из фашистского плена, поведали нам о глумлении фашистов над храмами. Невольно глаза заполняются слезами у русских людей при вестях о том, как в православных храмах расстреливают ни в чем неповинных матерей и стариков и как храмы превращаются в конюшни. Лютый враг Гитлер не только устраивает гонение на христианство, но хочет истребить славянские народы разорениями, пожарами, грабежами, пытками невинных, издевательством и бесчинством, а оставшихся в живых сделать своими рабами. Всему миру ясно, что фашистские изверги являются сатанинскими врагами веры и христианства. Фашистам, с их убеждениями и деяниями, конечно, совсем не по пути за Христом и за христианской культурой. Вот почему прогрессивное человечество объявило Гитлеру священную борьбу за христианскую цивилизацию, за свободу совести и веру.

Отрадно знать, что семя, брошенное нашей Патриархией, дает богатые всходы. Совсем недавно мы обращались к пастве, пробуждая патриотические чувства, а теперь патриотизм поднялся грозной волной для врага, и уже близок час, когда она смое с лица земли коричневую нечисть. Отрадно, что прихожане многих храмов организуют сбор средств на укрепление обороны нашей родины.

Вопреки бредням фашистских супостатов, рассчитывавших на быстрое истощение сил нашего государства, могучее русское воинство только теперь начинает расправлять свои богатырские плечи, готовясь нанести сокрушительный удар вероломному врагу.

Великая и благословенная Русь крепнет и удесятяряет свои силы на поле брани.

У русских людей, у всех, кому дорога наша отчизна, сейчас одна цель — во что бы то ни стало одолеть врага. У истинного патриота не дрогнет рука для истребления фашистских захватчиков. Сердце христианина для фашистских зверей закрыто, оно источает только уничтожающую смертельную ненависть к врагу.

Несравненная красота подвига наших доблестных воинов в том, что они «полагают души своя» не только за себя, но и

«Не сотвори свидетельства ложна!»

«за други своя», за народы, временно подпавшие под фашистский гнет.

Премудрый же и Всеблагий Вершитель судеб человеческих да увенчает наши усилия конечной победой и да ниспошлет успехи воинству русскому, залог нравственного и культурного преуспеяния человечества. Буди, буди, аминь!

От лица Святой Православной Русской Патриаршей Церкви:

*Патриарший местоблюститель смиренный Сергей,
митрополит Московский и Коломенский
Смиренный Николай, митрополит Киевский и Галицкий
Смиренный Андрей, архиепископ Куйбышевский
Смиренный Сергей, архиепископ Можайский
Смиренный Иоанн, архиепископ Ульяновский*

11 ноября (24 ноября) 1941 года, Ульяновск Куйбышевской обл.

В первый же год войны православные храмы Москвы передали в Фонд обороны более 3 млн руб., церкви г. Горького — более 4 млн руб., церкви г. Куйбышева — более 2 млн руб. Широкую патриотическую работу проводили возрождающиеся православные монастыри, где нередко устраивались госпитали и детские дома. Проявляя заботу о детях воинов, сражавшихся на фронтах, Православная Церковь во всех действовавших храмах объявила сбор средств в особый Фонд помощи детям. Московская Патриархия первой сдала 1 млн руб. Всего за годы войны Московской Патриархией, духовенством и верующими было собрано более 300 млн руб. без учета пожертвованных ценностей и вещей.

В 1942–1944 гг. во многих республиках и областях СССР широко развернулось движение по сбору средств на строительство танковых колонн. 30 дек. 1942 г. митр. Сергей призвал верующих жертвовать средства на со-

оружие танковой колонны им. Дмитрия Донского. На танковом заводе в Челябинске были выстроены 40 танков, и 7 марта 1944 г. митрополит Николай (Ярушевич) от Московской Патриархии передал их Красной Армии. Танки из колонны им. Дмитрия Донского участвовали в освобождении Украины, Белоруссии, Молдавии, Польши, в составе 516-го полка дошли до Берлина. Одновременно продолжался общецерковный сбор средств на авиаэскадрилью им. Александра Невского. Помимо этого православные верующие принимали активное участие в сооружении танков и самолетов по инициативе населения их областей, например, духовенство и верующие Новосибирска пожертвовали 110 тыс. руб. на строительство сибирской эскадрильи «За Родину».

(Сохранились замечательные фотографии, сделанные в день передачи танковой колонны «Дмитрий Донской» армии, где митрополит Николай (Ярушевич) напутствует воинов (см. фотографии на 4-й стороне обложки)).

Зарубежники называют оккупацией то, что никто из русских так не называл. Русские советские люди, верующие и называющие себя неверующими, но любящие свою Землю, не считали свою страну оккупированной коммунистами. А зарубежники считали весь Советский Союз оккупированной территорией и немцев называли ее «освободителями». И все, захваченное фашистами, считалось «освобожденными землями». Какая тонкая подмена!

Архиерейский собор РПЦ 8 сент. 1943 г. провозгласил в числе своих деяний «Осуждение изменников вере и Отечеству», согласно которому «всякий виновный

в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана».

(ЖМП. 1943. № 1. С. 16; Смирнов А., прот. Противники Креста Господня // ЖМП. 1943. № 3. С. 25–29).

И много еще нашлось материалов специально по теме Псковской миссии. Историческую часть, пожалуй, надо закончить простой **справкой об оккупации Пскова**. Факты впечатляют. И художество не должно ими пренебрегать.

5. Историческая справка

Очерки истории Пскова

Псков во время фашистской оккупации

Вечером 9 июля 1941 года гитлеровцы заняли Псков. На перекрестках улиц ревели фашистские танки, стволы их пушек и пулеметов были наведены на уцелевшие жилые дома.

Вскоре на общественных зданиях заколыхались штандарты с фашистской свастикой. Стены, заборы, тумбы, столбы запестрели грозными «бефелями» — приказами.

Все приказы, распоряжения, объявления, предложения, воззвания захватчиков заканчивались одинаково: «За неповиновение — расстрел!», «За неподчинение — смертная казнь!», «За нарушение — смерть!».

Улицы Пскова были переименованы: Октябрьская — в улицу Гитлера, улица Ленина — в Плаунер, Карла Маркса — в Покровскую, Гоголя — в Главную и т.д.

Большинство населения было выселено из города на окраины и в пригородные деревни. В центре города

разместились немецкие административные и военные учреждения. В гостинице «Октябрьская» находился штаб командования Северного фронта. В левом крыле Дома Советов располагался военный госпиталь, в правом — военно-полевая комендатура. Оккупационную власть в Пскове и Псковском округе осуществляли начальник окружной военной полевой комендатуры генерал Гофман, военный комендант Пскова майор Миллер и начальник полиции безопасности СД гауптштурмфюрер СС Энгельмайер.

В Пскове же обосновались начальник хозяйственного управления группы армий «Север» полковник Беккер, начальник полиции безопасности СД «Северной России»¹ оберштурмбанфюрер СС Траут, отдел «1-Ц» немецкой разведки.

Рядом с Псковом, в поселке Стремутка (позднее в Промежицах), расположился разведывательно-диверсионный центр немецких войск — «Цеппелин». Агентура для него готовилась в деревне Печки Печорского района в специальной разведывательной школе.

Таким образом, Псков был превращен в центр дислокации военных и административно-хозяйственных органов оккупационных войск группы армий «Север», распространявших свою деятельность на обширную территорию Ленинградской и Калининской областей².

Первая группа белоэмигрантов прибыла в Псков уже в середине июля 1941 года. Среди них был сын генерала Врангеля Борис Врангель.

Белоэмигранты занимались вербовкой агентов, распространяли антисоветскую литературу, проповедовали националистические идеи. Все они были тесно связаны с полицией безопасности СД, а также с Абвером.

Белоэмигранты пытались внушить людям, что их главный враг — большевизм, Советская власть. Они вели активную работу по вербовке добровольцев в так называемую «Русскую освободительную армию» (РОА). Опираясь на предателей Родины, эмигранты развернули бурную антисоветскую деятельность.

Городская управа провела перепись и паспортизацию населения. Каждый житель города от 14 лет был внесен в список под определенным номером. В паспорта заносились подробные приметы их владельцев (рост, цвет волос, глаз и т.д.).

Для выявления и мобилизации рабочей силы оккупантами было создано управление труда. В городе открылась биржа труда, задача которой состояла не столько в устройстве населения на работу, сколько в выявлении тех, кого можно было отправить в Германию.

Оккупационные власти ввели так называемые «рабочие паспорта». Их обязаны были получить на бирже все лица в возрасте от 14 до 65 лет. Лица, не имеющие их, считались дезертирами с «трудового фронта». Их ждало тюремное заключение. Однако, несмотря на жесткие меры наказания, люди не являлись за получением «рабочих паспортов».

Начальник хозяйственного управления Беккер 21 ноября 1941 года вынужден был издать следующий приказ: «Сим в последний раз предлагается населению города Пскова явиться с нужными документами для получения рабочего паспорта в помещение управления труда по Плаунер улице № 11. Кто после 1.12.41 г. будет застигнут военным патрулем без рабочего паспорта, будет подвергнут уже объявленному строгому наказанию».

Обсуждение фильма «Поп»

С помощью биржи труда оккупационные власти насильно мобилизовывали население Пскова на строительство дорог, лесозаготовки и торфоразработки. Многие попадали на самую настоящую каторгу — в трудовые лагеря. В одной из инструкций оккупантов так и было записано: «Копать землю, дробить камни — это работа не для немцев, для этого есть русские».

Рабочий день в трудовом лагере длился 14–16 часов, денежной платы, как правило, не полагалось. Выдавали лишь по 200–300 граммов хлеба и литр жидкой похлебки на человека. От изнурительной работы и голода, от эпидемических (особенно желудочных) заболеваний и избиений люди гибли сотнями.

Трудовые лагеря имелись на окраинах Пскова, в Черехе, в Крестах, Промежицах, на Завеличье. Однако население города всеми способами уклонялось от отправки в Германию и принудительных работ. Люди прятались в погребах, в землянках, в подвалах, убегали в окрестные леса. Участились побеги заключенных из концентрационных лагерей. Они уходили к партизанам.

На всей оккупированной территории царил голод. Магазины с оставшимися в них продуктами и товарами были сразу же разграблены гитлеровцами.

В сентябре 1941 года оккупационные власти установили дни рыночной торговли, и с этого времени источником приобретения продуктов для псковичей стал только базар.

Все учебные заведения города были закрыты. Большинство школ фашисты разграбили, инвентарь сожгли. В уцелевших зданиях разместились казармы и госпитали.

Лишь с весны 1942 года в Пскове открылось несколько платных школ. В трех начальных школах обу-

чалось 200 детей. Кроме того, в городе работали две церковноприходские школы: при Дмитриевской церкви на 150 детей, при Варлаамской — на 80 детей.

В октябре 1942 года в Пскове состоялась «учительская конференция», на которой была дана установка основным предметом в школе сделать Закон Божий. Обучение детей проводилось по немецкому календарю «Новая Европа» и по фашистским газетам. Детям внушали, что немцы и Гитлер несут «освобождение» и хорошую жизнь, что Гитлер — друг детей и т.п. Им старались привить дух покорности и повиновения.

С первого же дня оккупации гитлеровские власти развернули активную пропагандистскую деятельность. В Пскове с августа 1941 года начала выходить фашистская газета «Псковский вестник», предназначенная для русского населения города и окрестностей. Кроме газеты в городской типографии печаталось большое количество листовок и прокламаций, масса иллюстрированных плакатов и портретов Гитлера.

Помимо этой «продукции», среди населения Пскова распространялись фашистские газеты: «Островские известия», «Гдовский вестник», «За родину» (она печаталась в городе Део), «Северное слово» и другие, а также журналы «Новый путь» и «Победа». Целью их было обмануть русский народ, запугать его, убить у жителей оккупированных районов веру в победу Советской Армии, парализовать волю к борьбе с захватчиками, поколебать великую дружбу народов Советского Союза. Широко публиковались состряпанные гитлеровским министром пропаганды Геббельсом «победные» сводки, в которых говорилось о том, что Красная Армия разгромлена, что она не может оказать и не оказывает сопротивления германской армии,

продолжающей победоносный марш по СССР. В газетах помещались различного рода пасквили на советскую действительность, на руководящих работников и должностных лиц.

Одной из важнейших форм фашистской пропаганды являлась радиотрансляция. При отступлении наших войск городской радиоузел был выведен из строя. Однако гитлеровцам удалось восстановить его. Примерно через месяц после начала оккупации городская радиосеть была введена в строй. Программа фашистских радиопередач строилась так: около шести раз в день передавались «последние и фронтовые известия», после них читались статьи из фашистских газет, в промежутках гремела музыка.

В августе 1941 года по инициативе перешедшего на сторону оккупантов митрополита Литовского и Виленского, патриаршего экзарха Латвии и Эстонии Сергия (Воскресенского) с ведома и согласия оккупационных властей в городе была создана Псковская православная миссия, которая руководила всей деятельностью православных церковных общин. Миссию возглавили прибывшие из Прибалтики священники-эмигранты. Это были люди, многие годы мечтавшие свести счеты с Советской властью. В течение 1941 года только в Пскове были открыты 10 церквей, в том числе Троицкий собор, Михайловская и Дмитриевская церкви.

В городе церковники периодически организовывали крестные ходы и молебствия — по случаю проведения «земельной реформы», ввиду привоза из Тихвина иконы Тихвинской Божьей Матери, по поводу немецких успехов на фронтах и т.п. В церквях служили молебствия «За победу германской армии», «За спасение родины от большевистского ига». После

богослужения священники читали проповеди, в которых говорилось о том, что Гитлер послан на землю от Бога. С амвона посылались проклятия коммунистам и Советской власти.

Священники внушали верующим, что Красная Армия разбита, они даже поздравляли паству с взятием Ленинграда.

Члены православной миссии были тесно связаны с немецкими разведывательными и контрразведывательными органами, в частности с полицией безопасности СД.

Оккупационные власти превратили православную миссию в политическую организацию, основной задачей которой являлось проведение антисоветской пропаганды и широкой контрразведывательной работы.

Через православную миссию полиция безопасности СД регулярно получала обширную информацию о политическом настроении населения, о партизанах.

Православная миссия издавала свой журнал «Православный христианин». Она выпускала также брошюры и листовки, помещала злобные антисоветские статьи в газетах.

Среди молодежи Пскова активизировала свою деятельность профашистская белоэмигрантская организация «Национально-трудовой союз» (НТС). Многие члены управления Псковской православной миссии являлись ее активными деятелями. Указом митрополита Сергия (Воскресенского) от 15 мая 1943 года при управлении Псковской православной миссии был учрежден специальный «Стол по распространению христианской культуры среди молодежи». Таким образом, НТС мог активно использовать влияние церкви не только в Пскове, но и на всей подведомственной миссии территории.

По инициативе и под присмотром «стола» готовились кадры учителей Закона Божьего, а также создавались кружки «религиозного нравственного воспитания», в которых детям читали религиозную литературу, вели с ними беседы по Закону Божьему, а также занимались... строевой подготовкой. Подлинное назначение этих кружков заключалось в том, чтобы готовить в них полувоенизированные кадры, которые затем можно было бы использовать для борьбы против Советского Союза. Особое внимание было обращено на работу среди молодежи в возрасте от 18 до 30 лет.

Создав сеть административных учреждений, оккупанты стали вводить так называемый новый порядок. Что он собой представляет, псковичи почувствовали в первый же день оккупации. Над городом стояли клубы дыма. Пламя то затихало, то разгоралось с новой силой. Горело сразу несколько улиц, подоженных в ночь с 8 на 9 июля 1941 года бомбами и артиллерией гитлеровцев. Бывшая гостиница «Лондон» и примыкающие к ней строения были уничтожены. На Профсоюзной улице уцелел единственный дом — аптека.

Опустошенное пожаром Запсковье, разрушенное Завеличье, руины на месте улицы Ленина, развалины вместо улицы Единства, пустырь, засыпанный золой, битым кирпичом и искореженным железом там, где были Октябрьская улица и прилегающие к ней магистрали, — вот как выглядел тогда Псков.

Оккупировав город, фашистские войска начали методическое его разрушение. Они разрушали Псков не только как город и населенный пункт Советского Союза, они уничтожали его древние укрепления, памятники зодчества и произведения искусства как живое и неопровержимое доказательство русской военной

силы, как символ, свидетельствующий о бесславных провалах немецко-прусских авантюристических «походов на восток».

Урон, нанесенный древнему русскому городу Пскову гитлеровскими захватчиками, невозможно исчислить. До начала войны в Пскове насчитывалось около 3000 зданий, 1380 из них оказались уничтоженными, 435 — полуразрушенными. Особенно сильные разрушения пришлось на центральную часть города, где были взорваны лучшие здания и уничтожены целые кварталы. Была выжжена вся деревянная застройка юго-восточной части города.

За годы оккупации оказались полностью разрушенными все промышленные предприятия Пскова.

Огромный урон причинили немецко-фашистские оккупанты историческим памятникам Пскова. Фашисты взорвали в Снетогорском монастыре колокольню XVII века. Взрывом был поврежден замечательный по архитектуре и неповторимый по фресковой росписи Рождественский собор монастыря. До основания уничтожен храм Никиты Мученика. Разрушены и сожжены собор Иоанновского монастыря XII века, церковь Василия на Горке, построенная в XV веке, церкви Сергия с Задужья и Николы со Усохи, воздвигнутые в XVI веке. Во многих церквях оккупанты устроили конюшни и скотные дворы.

Сильно пострадали и памятники древней гражданской архитектуры. Разрушена восточная часть Поганкиных палат. Главное здание кремля — Троицкий собор — было заминировано.

Были разграблены и уничтожены семь псковских музеев, расхищены и вывезены хранившиеся там ценнейшие рукописи и произведения искусства многих

Обсуждение фильма «Поп»

веков, уникальные памятники русской и мировой культуры. В числе похищенных ценностей были и многочисленные экспонаты из пригородных дворцов-музеев Ленинграда и из Новгородского музея, привезенные накануне войны в Псковский исторический музей для демонстрации.

В 1942 году в Поганкиных палатах гитлеровцы устроили распродажу древних икон, картин и художественного фарфора. Сюда свозили произведения искусств из дворцов и музеев Новгорода, Петергофа, Гатчины. Эти ценности скупались немецкими офицерами и отправлялись в Германию. В разграблении ценностей, собранных в Поганкиных палатах, принимал участие сам начальник отдела искусств Северного фронта граф Зольмет.

Отступая в 1944 году под мощными ударами советских войск, фашисты спешили разрушить то, что они не успели уничтожить за время своего пребывания в Пскове. Специальные команды факельщиков взрывали и жгли сохранившиеся здания и сооружения. В эти дни в огне пожарищ погибли библиотека и картинная галерея.

Взрывами специально заложенных фугасов оккупанты разрушили основные уличные магистрали и их перекрестки, на многих улицах устроили завалы из обломков зданий и поваленных деревьев. Сохранившиеся коробки домов, улицы и площади были густо заминированы. Ущерб, нанесенный оккупантами только жилищно-коммунальному хозяйству города, составил свыше 171 миллиона рублей.

В статье «Последние часы в Пскове», опубликованной в фашистской газете «Фронт» 26 июля 1944 года, лейтенант Генрих Роденер хвастливо писал: «Над городом красный отсвет. Время от времени полную ожи-

дания тишину нарушает взрыв. Саперы за работой... И вдруг со всех концов и со всех сторон треск. Всюду кругом взрывы: железнодорожные пути, фабричные здания, электростанция и белая водонапорная башня, характерная деталь в контурах города, рушатся... Светлеет. Но солнце не может прорвать серые облака дыма, стоящего над развалинами. Над мостом вспыхивает яркое пламя. Оглушительный треск. Железная ферма разламывается, взвивается вверх и рушится в мутную воду... На следующий день могли отойти арьергарды... Они оставили после себя груды развалин».

В оккупированном Пскове гитлеровцы установили режим террора. Захватив город, немцы сразу же построили в разных частях виселицы. Гитлеровские палачи казнили людей публично. Население к месту казни сгоняли силой оружия. Трупы казненных под страхом смерти запрещалось снимать, и они, с мешками на головах, висели по нескольку дней на «стандартных» виселицах, а также балконах домов, на телеграфных столбах и даже на деревьях.

Повсеместно были устроены тюрьмы, камеры следствия, «штубе» — комнаты допроса, где применялись средневековые методы дознания — пытки. Всех подозреваемых в симпатиях к Советской власти арестовывали и помещали в тюрьмы и гражданские лагеря в Пскове и Печорах. Многие так и не возвращались домой.

Сотни женщин, детей и стариков томились в концентрационных лагерях под Псковом и в тюрьмах без предъявления им каких-либо обвинений. Достаточно было малейшего подозрения, чтобы человека арестовали, избили. С людьми, уличенными в связях с партизанами, гитлеровцы расправлялись с особой жестокостью.

На глазах у жителей города происходило массовое истребление пленных красноармейцев. Истощенных, падающих от голода людей пристреливали прямо на улицах. Бывали случаи, когда умирающих живыми закапывали в землю вместе с трупами.

Лагерь военнопленных были расположены на окраинах Пскова. В военном городке на Завеличье, в лагере под названием «Шталаг-372» (позднее «Дулаг-376»), содержалось в бывших конюшнях до 100 тысяч человек; в Крестах на территории ремонтных мастерских — более 20 тысяч; в Песках, на южной окраине города, — от 50 тысяч до 60 тысяч советских военнопленных. Подобные лагеря были сооружены фашистами в Черехе, Коротове, Промежицах, в районе совхоза «Родина», около завода «Пролетарий».

Военнопленные содержались исключительно плохо. Им давали по 100 граммов хлеба в сутки, в обед — баланду, вечером — кипяток. Спали они на голых нарах в несколько этажей, а в некоторых лагерях — прямо на сырой земле, в холодных сараях. Медицинскую помощь пленным не оказывали; тяжело больных, истощенных и раненых уничтожали.

Военнопленные использовались на самых тяжелых физических работах. Нередко конвоиры, сопровождавшие их на велосипедах и мотоциклах, заставляли истощенных людей бежать за ними. Тех, кто выбивался из сил и падал, пристреливали.

Много десятков тысяч военнопленных было умерщвлено. В лагере «Шталаг-372» замучено 75 тысяч, в Крестах — 6 тысяч, в Песках — 50 тысяч. На Мироносицком кладбище было погребено 30 тысяч человек.

После освобождения Пскова в 1944 году в городе работала Чрезвычайная государственная комиссия по

расследованию злодеяний фашистских оккупантов. Комиссией было установлено, что в одном только Пскове фашисты умертвили более 290 тысяч человек.

Комиссия, разумеется, не смогла восстановить всю картину злодеяний, совершенных оккупантами, ей удалось составить только примерное представление об ущербе, нанесенном фашистами древнему русскому городу, о количестве жертв фашистского террора.

Жестоким режимом, террором гитлеровцы пытались запугать население, пресечь в самом зародыше всякую попытку выступления против оккупантов, сломить боевой дух сопротивления людей и сделать из них послушных рабов немецких баронов, князей.

Но псковичи никогда не склоняли головы перед врагом. Так произошло и на этот раз. Сотни и тысячи ушли в партизанские отряды, в глубокое подполье, чтобы вести беспощадную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками — и мы победили¹⁰.

Мы действительно победили. Но Сегень в своем «Попе» то ли это забыл, то ли, поддавшись власовцам и прочим «ратующим за освобождение Руси от советов», **переиначил историю**. Акценты в его повести, а потом в фильме совершенно **противоречат исторической и духовной правде**.

6. Не потеряем вкус к правде

Теперь о визуальной стороне (язык не поворачивается сказать «художественной»).

¹⁰ См. Альмухамедов Я. Н., Арсеньева А. П., Бакусова Л. Н., Вершинина Л. А. Псков. Очерки истории. Л. Лениздат, 1971 г. с 279–297.

Чтобы не потерять вкус, дегустатор очень ограничен в еде. А строго соблюдающие диету и постящиеся знают, как на голоде оживают запахи. Музыкант знает, что нельзя сохранить слух, если играть на ненастроенном инструменте. И вообще, в любом деле есть референтный круг, экспертиза специалистов, которые, как Палата мер и весов, должны хранить вкус к правде, художеству, культуре во всех областях жизни. И техника, и производство, и образование, и тем более искусство — не массовым опросом судятся, не журналистскими статьями, а коллегией высших, превосходящих самих делателей специалистов в данной области. И вот тут доперестроечная Москва была впереди планеты всей. Не знаю как там гамбургский, а старый московский счет был высшим, высочайшим. Ни на чем нельзя было нас провести и «купить»: подделка, хитрость, пошлость, конъюнктура — всё это обнаруживались сразу! Москва держала марку несмотря ни на что! И ехали-то сюда не торговать и жить, а силой помериться, попихаться в ближнем бою с равным, поесть глазами сильного. И радоваться умели не своему только — но высокому!

Сейчас на дворе зима тревоги нашей. Дирижеры воспитали оркестр настолько, что могут отдыхать — музыка льется сама, и какая нужно. Критерии оценок, планки рухнули разом, как будто их и не было. И еще одно. Поднялось на привозных дрожжах уже два поколения шоуменов, не только не хранящих традиции русского искусства, но и активно разрушающих всякую традицию, стремящихся к открытым визуальным технологиям по жанрам. Произведение собирается, как модель для сборки, украшается пластикой игры, сдобривается звуком музыкой, светоэффектами — и кушайте на здоровье! По сути, вся предлагаемая и продаваемая

артпродукция оказалась подконтрольна новой идеологической машине, которая диктует и задает один язык всем действиям. В основе здесь клип, приятный гламурный образ, психологически выстроенный ритм и, как принцип, — уход от правды. Все относительно! — вот лозунг дня. Пошлость принята как норма жизни, она служит пропускным билетом в эфир, на экран, и вообще — к зрителю, слушателю.

«Правда в малом — ложь в большом!» Обжигайте чувства зрителей, удерживайте в напряжении и сладострастии их сердца, в развлечении — умы, гарантируйте безопасность — и публика ваша!

И еще одно наблюдение. За последние годы усилилась у нас всеобщая обработка умов, идет манипуляция сознанием народа (есть даже книга с таким названием, автор ее — замечательный ученый, политолог, публицист С.Г. Кара-Мурза). В манипуляциях применяется и НЛП (нейролингвистическое программирование). А это не простые игры с нами, но ведение, сопровождение нас, воспитание чувств: человек реально переживает то, что ему показывают, верит тому, что говорят, — вопросов у него не возникает, целого жизни он не видит. Можно и произведение выстроить по законам НЛП, и оно будет «работать», вызывать нужные эмоции у людей.

Но не исчезло же совсем искусство! Конечно, нет. Но оно стало исключением, а не правилом жизни. Шедевры всегда были редки и малотиражны, но сейчас искать их надо вообще не на основных сценах, а в мастерских, студиях, любительских сообществах и пр. Эти почти самодельные свободные анклавные даже запрограммированы в нашей культурной политике, так как выполняют роль свистка, выпускают пар, тоску по правде. Когда сегодня находишь такое произведение — дух захватывает:

развитые средства искусства обладают убедительнейшей силой, сердце горит истиной, жизнь, кажется, расступается, открывая свои тайны... Бывает такое.

Но что же наш «Поп», надо, в конце концов, начать просмотр.

Чтобы восстановить в себе чувство правды, хорошо освежить в памяти какие-то проверенные образцы. Посмотрим сначала несколько фрагментов из фильма **Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм»**. Хочется, чтобы глаз вспомнил, как можно работать с камерой и документами и как можно думать.

Когда возникает вопрос, какой фильм хороший, какой плохой, то на него ответить так сразу нельзя. Надо спросить: а исправен ли наш «механизм восприятия»? Ведь он может подавать неверные сигналы или вообще быть не настроенным, сбитым: что плохо, будет казаться хорошо, что хорошо — не будет видно.

Культура живет и развивается, вынося к своей вершине ценителей — проводников в страну прекрасного. Это не эстетствующие гурманы, но люди, развившие в себе способность чувствовать цельность художественного явления — художественную правду, которая выражается через живую форму и язык. Правда многолика, но когда духовный механизм работает верно, вы ощущаете ее везде, где она есть. В кино вы способны понять и Довженко, и Тарковского, и Параджанова, и Шпаликова, — способны жить, участвовать во многих образах, которые раздвигают границы действительности, дают объемное переживание времени и учат глубине, уводя с гладкой поверхности обывательщины.

Конечно, нельзя избежать ошибок, нельзя искоренить пристрастий, но существуют традиция, классика и еще время, они — помощь и опора нашему вкусу и

чутью. Не поддаваться пошлости, но пытаться наблюдать жизнь самому, без подсказок, на фоне великой культуры — вот что требуется, чтобы научить себя видеть, слышать и чувствовать правду искусства.

В фильме М. Ромма не может не потрясти честность его комментария, безукоризненный монтаж, который дает возможность встретиться лицом к лицу со страшным явлением фашизма, но ни на один миг **режиссер не делает тебя рабом этого страха**. Важный момент, мы ведь можем расти вверх, дать дорогу духу, а можем уходить в свой эгоизм, клониться долу. И искусство нам нужно для того, чтобы мы росли вверх, а не просто развлекали себя, отдыхая от тяжелой рабочей недели, от неприятностей быта, отношений и пр.

Заслуга Ромма еще и в том, что он не использовал немецкие пленки для того, чтобы доказать нам какой-нибудь очередной гуманистический тезис. Сегодня многие деятели искусства понимают свое дело именно как «арт-поделку», проводящую определенную идею. А массовое искусство вообще призвано одни образы и идеи внедрять в общественное сознание, другие подавлять.

Фильм Ромма не обслуживает никакую идею, он исследует жизнь — эпоху безумия нации, социальный феномен XX века. Режиссер рассматривает то один факт, то другой, обнаруживает различные процессы, текущие в обществе, и все время задает вопросы, например, «а как они, германские рабочие?». И в ответ на экране — уникальные кадры: рабочие идут по Берлину, они собраны и решительны, «Рот Фронт» уже запрещен, они же вдохновлены внутренней правдой, которую осознают, — лица их нельзя забыть.

В своем художественном и документальном исследовании фашизма Ромм все время обнаруживает что-

Обсуждение фильма «Поп»

то новое, но не стремится сразу назвать и обобщить явление, а оставляет его как бы открытым и лишь задает вопросы: что это такое? как оно возникло? Он намеренно избегает обвинительной риторики и патетики и вообще не стремится к определениям, но сам пребывает и нас удерживает в роли свидетелей небывалого, имя чему дать еще только предстоит в будущем. Это движение в сторону правды, созданное художественной тканью искусства, рождает в нас живое переживание времени: и того, исследуемого, и нашего, настоящего. Это и гарантирует, что фильм «не опасный», не поработит нас своими образами и идеями, но обратит к жизни.

Из этого фильма выносишь чувство, что немецкий народ не был палачом, но был превращен в исполнителя роковой воли. Как это произошло? Простым путем. Обращались к низшим функциям человеческого сознания, к примитивным чувствам. Не звали человека расти ввысь, преодолевать себя, духовно укреплять и побуждать к просвещению ум и сердце. Вот многократно повторенная гитлеровская фраза: «С массами надо обращаться, как с женщиной, а женщина с удовольствием терпит насилие». Можно, можно людей превратить в дикую массу! Как страшны кадры истерических проявлений любви к Гитлеру: женщины плачут, целуя платки, которых он коснулся!

В этом фильме новые возникающие на экране образы раскрываются не через дикторский текст, который замечательно читает сам Ромм, не музыкой, а ритмом, движением людей, изменением их лиц — живет все вместе. Вот все лица как-то разом изменились. И в нас сам собой от одного монтажа рождается вопрос — почему? Что случилось? И начинаем исследовать.

У нас за 20 последних лет катастрофически изменилось само понимание эстетики, стиль нашего художественного языка претерпел настоящее нашествие дизайна. Декоративность вошла, кажется, в плоть и кровь современного искусства, научилась ладить с ужасами убийств и эротики, всё упаковывая, расцвечивая и поднося к ресторанному столу или к барной, пивной стойке. Сегодня уже выработался крикливый язык ничего не говорящих впрямую кадров, а только путающих след и намекающих на что-то, чего, может, и нет. Телевизор отравил общество: старух — сериалами, юношей — развратом, зрелых — алчностью, — он вселил, вживил эти образы в сознание людей, спаял их с наркоиглой рекламы.

Известно, что гению никакая педагогика и защита от пошлости не нужны, он — ведущий, его не собьешь, пока не убьешь. А вот таланту и просто человеку с живым сердцем уже без этой охраны никак нельзя, иначе мы просто становимся жертвами СМИ. Какое же противоядие? Не смотреть плохого, не читать лжи — но искать и восстанавливать в памяти настоящие фильмы, и читать живые книги. Русское искусство здесь имеет золотые кладовые.

И вначале надо смотреть всегда что-то настоящее, не много, но правды, чтобы настроить свой аппарат, чтобы потом была нормальная реакция. Собственно, за эту реакцию и идет бой. Не за то, чтобы человек что-то понимал и знал, а за нормальную духовную реакцию восприятия и жизни, и произведений искусства.

3. Фрагменты из фильма «Судьба человека». Смотрим эпизод «Пленные в храме», «Побег и травля собаками». А теперь спросим себя, почему, когда мы это смотрим, у нас возникает не страх, а рождается доблесть, чувство прибывающей силы, как будто нас чем-

Обсуждение фильма «Поп»

то наполнили. Но ведь можно так показать эту травлю собаками, такой ракурс взять, такие наезды сделать на оскал, зубы в кадр впясть, что я не останусь человеком, во мне пробудятся именно те чувства, которые сделают меня червем, рабом физиологического страха. Представьте, как сегодняшнее кино показало бы эту травлю собаками, а здесь мы о ней знаем, но камера не ловит, чем бы нас запугать — она целомудренна. Вот духовное начало в искусстве.

А когда голодный ест (заметили?), камера смотрит сверху, чтобы рот был скрыт. В СССР такое, уважающее человека, кино было нормой (фильм снят в 1959 году). Искусство наше знало, что человек — существо хрупкое, и берегло его: не было и не могло быть упивания жестокостью, разжигания страстей. Такие грозные события в фильме представлены, а сцены сняты так, что мы остаемся людьми, и наоборот — в нас рождается мужество: человек не теряет своего достоинства.

А потом грянула новая эстетика, которая стала работать только на то, чтобы человека втоптать в грязь.

7. «Поп»

Просмотр прерывался вопросами, возгласами зрителей, и скоро мы стали смотреть просто отдельные эпизоды. Общее пространство сделало невозможным просмотр каких-то сцен: возникало чувство такой неловкости, как будто нас заставляют быть свидетелями непристойных зрелищ.

После Ромма и «Судьбы человека» мы сразу испытали насилие. Это была не просто другая камера, но другая задача кадра — эмоциональный концлагерь. Мы все

оказались как бы за колючей проволокой, все подается с нажимом и поражает открытой деланностью. Самое начало, летящая камера: природа, не чувствующая грозы времени, снята как для офисного календаря.

Станиславское «не верю!» вырывается из груди при первых же кадрах, когда только еще идут по поселку, и слова-то все кажутся придуманными. А мы только что видели в «Судьбе человека», что они могут быть не придуманными, а живыми. Здесь же — заданность и театральность, не покидает мысль, что тот или иной кадр нужен режиссеру, чтобы вызвать у нас эмоцию, какую он хочет. «Где же художественное исследование?» — вправе воскликнуть зритель. Может быть, оно впереди?

Поп вырезает картинки, разговаривает с женой, а речь как будто не его, но мы должны принять, что его. А зачем картинки? Да мы же с вами сами их недавно вот так вырезали из журналов! На то и рассчитано, чтобы нам вспомнилось наше недавнее, обыденное. Чтобы завоевать зрителя, надо усыпить его бдительность, его ожидание правды, самое лучшее — задеть за родное, чтобы узнал, кивнул, — и он уже с вами.

А откуда он вырезает? Мы — из журналов, которые обрушились на нас все разом, а он откуда? Журналов никаких новых в оккупации не было, разве что нацистские? Дети выросли. А это неважно, откуда, важно просто показать нам, что он вырезает. Здесь уже начал работать закон клипа: подлинные связи жизни подмечены «намёткой», эпизоды сшиты намеренно «на живую нитку». Это и дробит наше сознание и восприятие. Ведь когда увидишь ложь, обман, дальше не веришь и не смотришь — чушь! А тут обман и «не верю» возникают в самом начале. Ложь в начале фильма открыто задана — как закон.

Что ж, не смотреть совсем? А может, там что-то интересное будет? Чем пощекотать чувства, конечно, будет, но правды не ждите — вам это сразу говорят. Принимаете эти условия — играем дальше! Нет? Как хотите, другого у нас ничего нет. Но ведь было же кино другое! Сейчас вот это вам предлагаем, берете?

Кто найдет силы отказаться вначале! А вдруг дальше хорошо? Хорошая есть поговорка украинская: «Чтобы понять, что окорок тухлый, не надо его есть весь!» Нет? Смотрим дальше?

Разговор с евреем (девочка его захотела стать христианкой). И таким он сам гаденьким показан, и так это должно удовлетворять простонародной нелюбви к сынам Сиона. Такая театральность, да и сам сюжетный ход — ложь: откуда она взялась, евреечка, блажащая стать христианкой в 40-х годах?!

Но без национального сейчас никак нельзя. В советское время все жили вместе, не афишировалось, что ты еврей, или хохол, или кацап. Теперь у нас — возрождение национального самосознания, и раннехристианский фарс тут очень даже уместен, и девочка почти дурнушечка, как надо.

Почему такой случай был невозможен тогда? В 1941 году специального религиозного образования не было уже и в Прибалтике. И этой девочки не могло быть, люди были другие, и дети другие, и сам эпизод вставлен не туда. Это ложь.

А что же тогда делает режиссер? Он же должен двигаться за человеком во времени, а не наоборот, не выдергивать его в безвоздушное пространство своей идеи. Это придуманный конфликт. Для чего? Чтобы взять нас в союзники, ведь речь о христианстве — кто сейчас против? Поднимите руки.

Вопрос зрителей: А какая у нас возможность понять, правдиво это или нет?

Идет конструирование, выстраивание пространства по заданной идее. Это угадывается, они все, что называется, «развернуты на камеру», все работают на зрителя. Герои, по сути, режиссера ни в какой мере не интересуют, их и нет, есть их действия и их дизайн.

А какая идея здесь обслуживается? Христианство больше всех религий. Конечно, у нас все власти со свечечками в телевизоре стоят вот уже 20 лет.

На Нюрнбергском процессе были запрещены две вещи: фашизм и сионизм (как крайнее проявление расизма). Одно дело — ветхозаветный Израиль, другое — сегодняшний иудаизм. Последний не наследует духовных сокровищ первого, это совсем другое явление, и, между прочим, очень агрессивное. А тут эпизод, льющий масло на неофитскую душу, полнящий ее гордостью: посмотри, православный, еврей пришел к тебе поклониться!

Верите? И я нет! Нас опять обманывают. Такого не может быть, это неправда. Нет той ясности и тяги, когда сердце само летит вперед, летит за тем, что ему открывается. А речь как в этом эпизоде сконструирована, чтобы потрафить православному Ивану-да-Марье. Им должно понравиться, что просящий весь такой, что хочется потом руки вымыть. Для того и сделано, чтобы мы носы кверху задрали, поиграли в людей. Не ступай в эти шелковые сети, Иванушка: поскользнешься — пропадешь!

Реплика из зала: Этого достаточно, чтобы понять, что это вообще не кино!

Пожалуй! Типажи здесь выбираются, чтобы они работали на подсознание. Это самое примитивное в искусстве, по сути — ходульное кино, рассчитанное на отсутствие культурного опыта у зрителя, на неспособ-

ность мыслить, некритичность, приятие на веру всего, что покажут.

Манипуляция сознанием, о которой мы говорили раньше, делает страшное дело: многие люди просто сбиты с толку и пребывают в растерянности от происходящего. А если прибавить к этому санитарную чистку библиотечных фондов, превращение читальных залов в арт-кафе, то и окажется, что сегодняшний человек как-то незаметно для себя выпал из культурной традиции, перестал доверять ей, сорвался с корней и тем лишил себя духовной опоры. А в своих корнях мы были очень крепки.

Проникнет ли это изменение в культурное ядро нации? И что мы делаем, чтобы оно не проникло?

Итак, фильм ввел нас в круг своих идей и приемов. Как мы поняли, здесь работают по определенным лекалам и раскрашивают все в любимые нами цвета. В каком-то смысле мы можем проектировать и дальнейшее развитие сюжета.

Война начинается. Четыре плана — камера летит с обрыва, гусь наверху. И на фоне гуся — титр «22 июня». Природа не спокойна. Затем панорама вниз, и следующий кадр — мирное течение жизни, нарочито спокойное. Природа приняла беду, птица взлетела, люди же ничего не чувствуют, сердца их глухи, все погружены в тихие заботы жизни. Что этим хотел сказать режиссер? Мы ведь знаем, что война — это беда прежде всего для человека. Земля стоит и много может вынести, а для людей — уйдут мужья, заберут сыновей, будут истерзаны жены.

Вопрос: А может быть так, что они еще ничего не знают?

Война началась ночью, сообщение по радио было утром, а здесь — день в разгаре. Разве что в горах где-то

пастухи ничего не знали. Да и зачем говорить о том, была ли такая деревня, в которой не знали о войне? Это частный случай. Перед нами искусство, которое выбирает и показывает что-то типичное и значимое.

Если событие важное, серьезное, а оно действительно таково: в традиции русского искусства — предугадывание, а не затушевывание главного, даже некоторый нажим совести на чувства, но никак не равнодушие и уход в частную жизнь. «Всё могу заложить, а Землю Русскую спасу!» — вот наша история.

Хотиненко (режиссер фильма) в одном из своих интервью сказал, что у русского народа осталась одна вещь, которая его объединяет, — это память о Великой Отечественной войне.

А если ее демонтировать? Страну можно уничтожить, народ уничтожить не так просто. Но, раздробив на группы, лагеря, партии, общинки, — можно. Можно убить то, что скрепляет народ в единое духовное целое: осмеять святыни, надругаться над прошлым.

Мы верим, и действительно храним как святыню память о той грозной исторической реальности лета 1941 года. Утром 22 июня не хватало девочек переписывать добровольцев: страна поднималась на грозную битву, а в фильме — намеренно мирный кадр: да, ничего особенного не случилось, ну, будем жить теперь так. Это явно передернутый исторический факт, нас сбивают, подменяют переживание народа. Зачем?

Здесь уже начинается тема, которую мы слышали у власовских епископов, когда они говорили «об освобождении народа от советов». Эта мысль концептуальна и запаяна во всю сценарную конструкцию: дать ложь как частное и отсесть от главного. В дальнейшем так и будет развиваться сюжет, чередуя эпизоды малой

правды и большой лжи: манок, подачка нам, кивок им. Этот монтаж — очень серьезное преступление против нас и нашей культуры. Но его надо увидеть — тогда и содрогнется сердце.

Пришли немцы. Им преподносят хлеб-соль, цветы. Встреча «освободителей»? Есть люди, которые так думают, это их политическая позиция. Но это только их позиция. **Это не народная правда, не народное переживание.** Смотря не из-за границы, а живя на этой земле, я могу сказать, что это историческая ложь. Режиссер показывает это не как частный случай, а как версию событий истории: можно, мол, и вот так посмотреть.

Тут нельзя не предупредить, что в Европе, где-нибудь в турпоездке, когда разговоритесь с молодыми (20–30 лет), они вам уверенно и с сочувствием откроют, что Вторую мировую войну начал Сталин, а выиграла американцы. Вам ничего не останется делать, как только отойти, потому что сбить их с этой ложной, но глубоко вживленной в мозг мысли не удастся.

А какково смотреть кадры радушной встречи немцев нашим фронтовикам, людям, которые воевали?! Да это идеологическая диверсия!

Крестины Хавочки. Эпизод воспринимается просто как кощунство. Откуда этот двойной монтаж, эта спайка двух планов: Крещения и обливания немца под колонкой? Это возможно только тогда, когда есть конкретная идея — показать общее обновление, очищение людей, земли, порядков. Церковь действительно называет таинство Крещения «баней пакибытия». И всё же как-то не вмещается в сознание такая вульгарная метафора, профанирующая священнодействие. Обливание довольного фрица представляет таинство как нечто земное, «срезает» его сакральную высоту — какое-то

скрытое безбожие угадывается за всем этим... или человекобожие. А может, этот фрицик тоже крестится, просто вот так, под колонкой? А почему нет, монтаж же параллельный, образы накладываются друг на друга как равноценные и равнозначные. «Они, видно, и взаправду освободители? Вот она крестится и освобождается от грехов. И эти приходят и... освобождают».

Не надо пытаться объяснять ложь, фальшь должна отвергаться сразу и вся.

Фильм оскорбляет высшие чувства человека, и не только духовные, религиозные, но и патриотические, национальные, материнские.

Но что мы можем сделать? Степень нашего бесправия ужасна.

Мы можем не смотреть! (Когда в 2007 г. польский режиссер Кшиштоф Варликовский поставил на баварской сцене «Евгения Онегина», разработав концепцию однополю любви Ленского к Онегину, и взял со всего мира лучших певцов на роли, протесты публики, конечно, были. Но мне всё казалось, что наше Министерство культуры должно подать иск от имени авторов (Пушкина и Чайковского) за извращение их авторских произведений. Но нет, иска не последовало — последовали бесконечные рассказы в СМИ об этой оригинальной постановке.)

Сейчас достоинство страны и всей нашей культуры может быть защищено только нами, официальные круги выполняют какие-то совершенно другие функции, кажется, прямо противоположные. Поставим преграду развращению хотя бы внутри нас самих!

Но почему же многим нравится этот фильм? Говорили уже сегодня, как умело в нем задевают струнки наших малых приятностей, духовный же свой аппарат,

помогающий различать правду и ложь, не все смолоду развили, а потом завалило массовой культурой — вот и становится человек всеядным, засыпает в комфорте и удовлетворении низменных потребностей. **Только воюющий сохраняет способность чувствовать и понимать целое.**

Пока бодрствует наша душа, не придет враг. Он ее боится, потому что душа — живой божественный организм в каждом человеке. И мы способны поддержать друг в друге эту внутреннюю жизнь. Народ — сообщество живых душ.

Тайна и значение русского народа и русской земли еще и в том, что вместе с нами в единстве жили многие народы, не только русский, но разные национальности. И притеснения, порабощения, в общем-то, не было. Способность русского народа услышать, понять других была описана еще Достоевским в его «Речи о Пушкине», там он говорил о слабости национального эгоизма русских, об этой нашей духовной возможности к соборному единению с другими. Все из своего природного росло в духовное. История наша подтверждает это, если ее изучать как целое, а не выдергивать случайные факты, чтобы жонглировать интересеньким.

Немецкий офицер, настоящий друг нашего попа. Этот немец — самый благородный образ среди героев фильма, самый приятный голос, то, что называется «положительный типаж». Он, безусловно, немец-«освободитель».

Иерархи посылают попа в Псков.

Перед нами в одном эпизоде две темы. Первая: наш поп говорит, что под немцами нехорошо возрождать веру, вторая: он соглашается это сделать. Изменение мнения, конечно, возможно, но ему надо дать время и

мотив. Может быть, он по послушанию соглашается? Но Церковь не армия, а священник не монах. И хотя сейчас приказное руководство практикуется, все-таки нет власти заставить священника ехать к оккупированному: у него семья, дети взрослые. Похоже, здесь опять перед нами конструкция.

Подумаем, зачем создателям фильма нужна первая тема? Да, он, то есть поп, должен же быть нашим, нами любимым, а мы как раз и сказали бы так, как он. Вот он и говорит наши слова — молодец! Мы верим и как-то не замечаем второго его слова. Эти две темы вновь демонстрируют нам «клиповый метод» фильма. Эпизод у владыки получился обоюдоострый: в первой части поп наш, он прав, во второй как-то вышло, что он отступил-ся, сказал «да». Почему? Непонятно.

Не надо искать связи в клипе. Эпизод выстроен так, чтобы мы сердцем участвовали в герое, чтобы внутри самих себя его уже оправдывали, чтобы в горле у нас застрял вопрос — почему ж ты, поп, пошел под немцев, тебе что, смертью грозили, жену и детей мучили? Между первой и второй частью нет никакой связки, их просто «бросают» на одно блюдо — берите, раз любите!

Фраза: «Народу под немцами будет худо, не можем же мы его оставить без Божьего утешения». Как прокомментировать эту фразу? Она не для диалога со зрителем. Это риторическая фигура, демагогия. Она не обсуждается, но и после нее сказать ничего не можешь. Это лицемерие, облеченное в форму нравоучительного клише, — сильное оружие в словесных дебатах.

Иерарх здесь выступает как классический иезуит. Задача этой фразы — осадить собеседника, чтобы не сопротивлялся более. И вот наш герой, только что бывший на правой позиции, вдруг без всякой борьбы переметнулся

влево. Продемонстрирован тот разлом сознания, который хотят, чтобы возник и у нас: «Я думаю так, но сделать могу и этак». Флюгерная нравственность. Но Христос не может жить в душе, для которой нет правого дела, наш «хороший поп» уже в этом эпизоде стал отступником.

Убили девочку у реки. Поп едет на машине и слышит плач. Что мы должны сейчас увидеть? Убитую девочку, мы-то уже знаем, что ее убил немец. А видим... убитую корову и ее оплакивание. **Это уже не фашизм, а расизм.** Кто будет утверждать, что здесь нет злого умысла? Мы думали, что по девочке плачут, а оказывается — по телке. Оскорбительно.

Пленный доит мертвую корову. *(Зал загудел. Кошмар какой! Ложь! А потом люди жаловались, что эту мерзкую сцену им никак не удавалось забыть!)*

Унижение народа. Глумление. Как это могло быть снято и благословлено в канун 65-летия Победы? Такое нельзя смотреть, надо закрывать глаза, чтобы не отравить себя. Иначе не сможете сохранить свое зрение чистым: образы просто так не вымоешь из памяти, а гадкие — тем более.

Но в этом эпизоде еще одна вещь начинает вас мучить, сверлит голову вопрос: эти пуганые солдаты с глазами хорьков, это они станут победителями? Они спасут мир от коричневой чумы? Они освободители? Или будут другие, их братья?

Что говорить, эпизод **подсудный**, если бы был суд совести и чести искусства.

(Кстати сказать, пленных немцев, а их снято много в кино, везде показывают людьми. А уж сколько преступлений — и каких! — они совершили, сколько горя принесли нашей земле! Но в облике человеческом мы им не отказали.)

Что же здесь произошло? Почему у создателей фильма возникло желание дегероизации, очернения и просто расчеловечения русских солдат? Какая-то **историческая клевета** перед нами, грех против девятой заповеди — не сотвори свидетельства ложна.

Трудно поверить, что фильм сделан в России, так он выпадает из традиции русской культуры. Хотя, надо признать, культуры у нас сейчас две: официальная ветвь культуры (обслуживание идей власти) и народная культура, отражающая глубинные процессы жизни. Зрителям надо научиться распознавать, что перед ними, какого поля ягода. Художникам же, деятелям искусства приходится выбирать, к кому примкнуть: к сильным — и стать заметным, востребованным, или уйти на дно народного сознания, в горячие тайные недра жизни. А чтобы уйти живыми, надо сохранить в себе способность к правильному восприятию.

Окруженец. Парень вышел из окружения. Многие исторические военные темы уже многократно обработаны в культуре и лежат в кладовых памяти как наше наследие. Помним, как в «Живых и мертвых» вышли из окружения солдаты и вынесли на руках орудие. Подвиг, который вдохновляет и сегодня, но не всех. У создателей фильма «Поп» благоговения к наследию нет. Нам рисуют какую-то сказочную неправдоподобную ситуацию, мол, договорились верить — верьте уж всему!

Открытие храмов немцами. «Неугодных расстреляем, а храмы откроем». Тогда, под немцами, эта фраза воспринималась людьми как изощренное издевательство. Никто не мог предположить, что спустя десятилетия возникнет положительная оценка этой «духовной опеки». Какая музыка в этом эпизоде! Солнце сияет! Победа света над тьмой.

Это хитрый ход, но он не нуждается в обширных комментариях. Тех самых фашистов, которые издевались над народом, никак нельзя назвать ни благодетелями, ни освободителями! Разве с ними Христос? Но эпизод этот снят и прочитывается однозначно: да, с ними!

Да много еще сцен в фильме «Поп», которые трудно вынести. И когда немец говорит, что такая красивая земля — и какому народу досталась! И уход матушки умирать в лес, где она, христианка, попадья, как собака в лесу воет. Душещипательное милосердие, в которое не верится. А лагерь в лесу, как на свеклу кидаются, червей ищут, и глаза безумного в кадре: смотрит и смотрит... вот она, Россия какая, оказывается!.. Да это почти иракские, ливийские кадры.

Эпизод с повешением на общем фоне совсем «гуманный». Самый честный здесь опять немец, который подтолкнул плечиком грузовик, чтобы приговоренные долго не мучились. Но снята сцена так, что веры в происходящее нет и в помине, какое-то игрушечное шоу, правда, с настоящими людьми.

Нет, смотреть этот фильм целиком решительно нельзя. Съесть отравленное и не отравиться — не получится. А думать, что вы съедите и с вами ничего не будет, не следует. Будет. Фильм «Поп» — определенная культурная акция: акция надругательства над Россией, русскими людьми, русской культурой и памятью нашей Великой Победы.

А вот, поди ж ты! — получил «Поп» «Золотого Витязя –2010». Как? Правда, и сериал «Школа» тоже получил первую премию ТЭФИ за сценарий. Есть над чем поразмыслить...

А вот заключительная реплика нашего трехчасового обсуждения. Раздается звонок с дороги: «Вы еще

«Не сотвори свидетельства ложна!»

дискутируете там?» — «Да, пока говорим». — «Хотел добавить: фильм «Поп» не о том, как к нам в 41-м году пришли немцы, а о том, как к нам сейчас пришли американцы!»

Вот такая реплика вдогонку. Тоже, между прочим, поп звонил. Другой поп.

НЕ БОЙТЕСЬ СКАЗАТЬ «НЕТ!»

Фрагменты форума

◆ **Социалист:** У нас сейчас создан уникальный механизм управления общественным пространством и общественным сознанием. Механизм, позволяющий во всех уголках страны одновременно запускать процессы, никому не угодные, не рождаемые нуждами края, а как бы спускающиеся с неба. И этой «воле небес» практически нигде не возникает сопротивления.

Народ поставлен в подчинительную зависимость и совершенно безоружен перед этой тотальной властью неведомой силы и чужой, не слышащей землю волей. И вдобавок, это состояние не осознается народом, лишая людей элементарных реакций самозащиты. Нынешние россияне — все «новые русские», отвернувшиеся от своих отцов, разрушившие их действительно общий дом, ту одухотворенную братством народов территорию, которая и звалась Россией. И мы — свидетели этого.

▼ **Народник:** Народ — это духовно-пространственное единство. Собственно слово «этническое» это и означает. Народ — организм целостный, живой, он свидетельствует о своей жизни внутренним движением, движением народного духа. «Народ безмолвствует» на призыв славить царя Бориса. Народ поднялся за Мининым в 1612 г., а два века спустя, в 1812 г., весь встал и ушел из Москвы. А еще через 130 лет всё наше мужество ранним летним утром само при-

шло в военкоматы — это последняя наша слава, война 1941–1945 гг.

Движение народного духа, наверно, можно проследить у всех народов, но в своем народе оно не только понятно, но и родственно нам, и потому вызывает чувство причастности целому, живому целому. Народ не прав не бывает. В той мере, в какой мы все здесь заключены грехом, в этой замкнутости и определенной отверженности, народное сознание есть некоторый путеводитель. Дух народа не самодвижен, но он — именно та живая общность, которая готова стать полем Божиим, готова принять в себя его золотые семена. Во всяком случае, с русским народом — так. И уместно здесь вспомнить Цветаеву, которая чтит народ как святыню, и, уехав, там, в среде другого народа, народов — еще острее поняла это: «Наша совесть — не ваша совесть...» «Покамест день не встал с его страстями стравленными, из юности и шпал Россию восстанавливаю...»

◆ **Социалист:** Народ русский в XX веке совершил небывалый скачок, феномен. Хотя так по-русски сказать нельзя, но именно совершил — он вобрал в себя и одухотворил не идеей, а своим духом многие народы: не русский народ выиграл войну с фашистами, а СОВЕТСКИЙ. Об этом говорят все фронтовики разных чинов. И не слышать этого нельзя. Это было не просто насильственное объединение, как нам талдычат прихвостни новых идей, — это единый дух, сближение не безличных масс, а самого пространства жизни: оно — не территория, но людские сердца. Этот феномен нашел свое отражение в поэзии, и она, будучи предельно индивидуалисти-

ческим делом, не могла не засвидетельствовать этого чуда.

♥ **Литератор:** Особенно интересны свидетельства тех, которые как бы к народу по статусу не принадлежали: Ахматовой, Мандельштама, Пастернака.

Вот из военного цикла Ахматовой «Ленинград»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Это невообразимое ранее «мы», ответственное, единое со всей Россией!

Вообще военные стихи вдруг подняли Ахматову к слышанию таких глубин народного духа, в которых, как говорила Цветаева, «лжи не бывает». И возможно, прикосновение к этим вечным родникам потом дало в 1961 г. высокую и по-державински простую оду «Родная земля» с концовкой:

...Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

А вот стихи из поздней, 1934 г. тетради Мандельштама:

Я не хочу среди юношей тепличных
Растрачивать последний грош души,
Но, как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу, — и люди хороши!

Или Пастернак:

Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда.
И новости, и неудобства
Они несли, как господа.

«На ранних поездах», март 1941 г.

▼ **Народник:** И поэты, которых принято называть народными, у которых на первый план выходит деревенско-пейзажная тематика, тоже, конечно, свидетельствовали об этой силе, называемой народным духом. Сила свидетельствует о себе действием, разнообразными действиями и, прежде всего, восприятием — природы, жизни, детей, труда, искусства. Дух народный не в описаниях русской природы, а в том взгляде на нее, который хранится где-то в глубине самой русской жизни. Так же можно сказать и о человеке, и об отношении к земле, к труду — всё проникает собой та утешительная наполняющая тишина, которая противоположна суете, стяжательству.

Менее даровитые поэты шли за описанием внешних красот, другие старались слушать народное слово, но в своих вершинах и те, и другие свидетельствовали об особом духе, который всякое частное переживание отодвигал, давая простор всеобщему, глубинному, высшему. Русский дух XX века стал феноменом нового глубинного единства. По сути, сама эта духовная общность свидетельствовала о великой победе Христова дела.

◆ **Социалист:** Не зная молитвы, силы таинств, люди, объединяясь в идеалах, вынянчили внутри себя реальную любовь к ближнему, святость совести, добродетель труда. Дело любви, столь трудное для плотского человека, было возведено на пьедестал — и свидетельства о нем стали заботой искусства. Где-то честным, а где-то и лукавым путем (искусство ведь без воришек не живет, как амбар без мышей) искусство накопило множество свидетельств этой новой правды нового народа. Нам предстала духовная цельность, которая питала всех своей силой и открывала внутренние возможности каждого.

♠ **Монах:** Война против духа народного, которая ведется сейчас, науськивание незрелых молодых сил народов на отрицание самих себя есть восстание на Отечество. Это внутреннее самоотрицание, хула на животворящие силы своего духа выказывает роковую связанность человека и его сердца. Провоцирующие этот страшный грех и не противостоящие ему подталкивают нас к духовному самоубийству.

Народный дух складывается не из наших душ и мыслей, он есть некое пространство земной жизни, оплодотворённое Духом Вышним. Духовные критерии — это не использование терминов, а слышание дыхания этого народного организма.

◆ **Социалист:** Сейчас информационное воздействие на этот организм таково, что полностью, кажется, произошло подавление самого движения народного духа: народ управляется не изнутри, а извне. И противодействие этому управлению тоже заложено в программу управления и задает, в основном, противодействие только внешнему, внешне чуждому,

не препятствуя внутреннему порабощению. Комфорт послушания!

♠ **Монах:** Установка на послушание в этих совершенно новых духовных обстоятельствах просто страшна, послушание греху вождей, их неподсудным приказам сделает людей не свидетелями, как в 93 году, а тихими участниками мировых преступлений.

♦ **Социалист:** Посягнуть на власть и сейчас уже признается неправильным. А если власть антинародная?

▼ **Народник:** Движение задается грамотно, учитывая самый характер народных сил, внутренних симпатий и пристрастий. По сути, народный дух блокирован этими внешними информационными воздействиями. И искусство, свидетельствующее, пробуждающее и обновляющее, стерегущее нашу совесть, также пытаются прикормить и поставить себе на службу. Оно призвано обслуживать новую идею жизни: умиряет внутренние движения различных социальных групп, формирует в них разнообразные, отвлекающие от настоящей жизни потребности.

♥ **Литератор:** Не забыть слова шофера маршрутки, едущей на кладбище, мы хоронили тогда одну сестру-писательницу. Когда пассажиры все вышли, он, притормозив перед переходящим улицу стариком, доверительно, закрытым ртом произнес: «Завидую фронтовикам. Они знают, что делать. Случись что, они опять будут знать, а я не знаю, куда себя приложить!» Ох, и страшно было это слышать от сорокалетнего здорового русского мужика! Сбиты с толку ложью всей жизни, которая не знает границ и пределов!

▼ **Народник:** Народ — это живой духовный организм. Здоровый, укорененный в истории и защищающий свои корни — такой народ родит героев и несет славу миру. Народ, отступивший от своей силы и общности, посягнувший на самого себя, впадает в бесславие, порождает антивождей, не видит их лжи, сам пораженный духом лжи. Был у нас Лжедмитрий, и не один! Был на престоле! Почему же? Кровь предала?

♥ **Литератор:**

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Так написал Тютчев в стихотворении «Наш век» 10 июня 1851 г. Сегодняшняя ложь удобна для пошлого обывательского существования — растим потребительство!

♠ **Монах:** Дело Христово, Церковь Его стоят на других основаниях: «Кто хочет душу свою спасти — тот потеряет ее, а кто потеряет — спасет». Истинно, в Евангелии все времена охарактеризованы и названы.

Ныне все хотят «спастись». Но «спасаться» предложено как бы «извне». А тайна спасения души, то есть движения этой вечной нематериальной драгоценной части человека к Духу Святому в ее родное отечество есть действие тайное, внутреннее.

♦ **Социалист:** Сила разлитого в воздухе нового идеала жизни, как приказ, стала блокировать всё внутреннее в че-

ловеке: движение совести, духа, внутренний слух, его сдерживающие и направляющие порывы. Человек от внешних посягательств на его духовную жизнь стал глохнуть, терять чувство истины и одновременно ощущать «душевный комфорт» и оправдывать себя... «послушанием».

♥ **Литератор:** Что и говорить, советское время, как сейчас видно, по внутреннему состоянию народа было ближе к правде евангельской, и бóльшая готовность была в сердцах к любви, к жертвенности — к духовности!

♠ **Монах:** Опереть бы эту «мирскую святость» на фундамент молитвы, таинств — вот вам и царский путь труда и чести!

♥ **Литератор:**

Чур! Не просить, не жаловаться! Цыц!
Не хныкать! Для того ли разночинцы
Рассохлые топтали сапоги,
 чтоб я теперь их предал?
Нет, мы умрем, как пехотинцы,
Но не прославим
 ни хищи, ни поденщины, ни лжи!

Вот как в 1932 году свидетельствовал об этом духе чести Осип Мандельштам.

♦ **Социалист:** Но сейчас мы должны признать, что, переворот за переворотом, бархатные сезоны цветных революций и небархатные расстрелы Парламентов и Домов Союзов привели на русскую землю мерзость запустения и бесчестие. Народ развращен и растит в себе

равнодушие к правде.

♠ **Монах:** Это не только духовно опасно — это против той Правды, которая Сама пришла к нам. Сейчас, не научившись говорить «нет», не придешь к Богу.

Здесь, на земле у нас, в мире сем очень много того, что требует отпора, хотя бы внутреннего — «нет, я не с вами!»

◆ **Социалист:** И это уже начало пути! Нельзя же думать, что протест — это непременно плохо, а послушание — хорошо! Смотря чему послушание и что вы за это... имеете? Да, да, одни имеют за послушание работу, другие — хорошую репутацию среди окружающих, третьи, что, наверное, самое грустное, имеют душевный комфорт, спокойствие.

♠ **Монах:** Если за послушание вы имеете спокойствие, будьте уверены — оно нечисто.

▼ **Народник:** Внутренний отпор врагу — вот что мы реально можем: неучастие в его затеях, в его организации нашей жизни. Пусть даже они замаскированы под нашу собственную жизнь и нашу свободу.

◆ **Социалист:** Не бойтесь сказать «нет!» И Гедеон не сразу выступил по Божиему знаку, и Минин сперва отмахнулся от вещего сна!

♠ **Монах:** Это не грех против Духа! Господь напомнит и призовет: «Кто пойдет за Меня?»

◆ **Социалист:** Но чтобы услышать Его слова, надо хоть в какой-то мере быть свободным от мира,

не подчиненным мамоне, не обязанным тьме, в какие бы одежды она ни рядилась и какие бы «наши» слова ни говорила!

♠ **Монах:** Слово правды — это жизнь по правде, «не о глаголении уст стужати си, но о разуме глаголемых веселитися».

▼ **Народник:** «Не тем, что сказано словами, теснить себя, но о смысле произнесенного радоваться!» — молитва перед чтением Псалтири.

♠ **Монах:** Не унывать от слов, обличающих тебя, но высоким смыслом, открывшимся тебе, вдохновляться!

КИНОВИЯ БОГОЛЮБИВАЯ

Странички из дневника

Лавра. Кто из русских не бывал у твоих стен! Кто не входил под своды твоих врат с благоговейным страхом и замиранием сердца! Неужели? Неужели здесь, вот сейчас прикоснусь к преподобному Сергию, уткнувшись лицом в ту землю, ту самую, которая была при нем!

И мы подошли к Лавре и застыли на миг перед ее силой.

Спускаться вниз всегда трудно. Но спуск к Лавре особенный. Она как будто окружена кольцом враждебных полчищ. То ветер сдувает, сбивает тебя с ног, свищет, то в речушке внизу почудится что-то отсеченное, человеческое, то смех нападёт на попутчиков — в общем, шалит нечисть, чует вражия сила силу превышую, неумолимую, неотступную, и уж как бы хорошо отманить человека от нее! Да чем угодно — торгом, суетой, страхом, холодом — лишь бы не входил в эти необоримые для ада врата.

Идем. Молчим и идем.

Молитва у мощей преподобного Сергия — это новая жизнь. Не та наша, которую мы хотим как-то улучшить и облагодатствовать, — нет, здесь, во тьме нашего сердца, под сводами его зачинается какая-то совсем другая жизнь, если ты, конечно, дашь ей пробиться сквозь толщу песка. Минута за минутой, час за часом — и вдруг время останавливается, и всё переходит в пространство твоего сердца. Как-то раз удалось вместе промолиться у мощей часов пять, слезы сменялись ужасом, ужас — тишиной, тишина — радостью и опять слезами. Мы как

бы исчезли для самих себя, перестали себя тяготить, ну, хоть на время молитвы или чуть дольше — оказались свободны. Вот сила Преподобного! Поднял суму нашей тяги земной, нашей неподъемной души, уж так стремящейся долу, что и сил нет оторвать ее от земли самим. А он сумел, и стоим легкие, крылатые, не помнящие себя, но святящие друг другу.

После Троицкого собора почти всегда идем в Гефсиманский скит: притягивает тайна пещерного братства. На ступенях скита нас ослепило солнце. Оно горит здесь сильнее, наверное, чтобы и там, в пещерах, подвижники чувствовали Божие попечение о них.

Кто первый заговорил о киновии, трудно сказать. Мощи блаженного Филиппушки уже были перенесены в скит, вот они — пред всеми, но почему-то пошли искать эту не знаемую никем киновию. Кто-то из местных махнул рукой — берите левее, где фабрика инвалидов, там еще дорога уложена могильными плитами, увидите.

И увидели, нашли. И действительно могильными камнями или памятниками вымощена дорога. Людям надо было ходить и ездить, а кладбище, видимо, заросло, забылось. Да и какая о монахе память, разве что вечная, небесная...

Артель инвалидов нашлась и выставила своего привратника, который был занят дружеским обедом, но как-то легко отвлекся от трапезы и повел нас — да, да! — к киновии. «Там Церковь была, только ее теперь нет, разорили, и выкопали тело этого, как его? И теперь оно в скиту, говорят, в богатом камне убрано. Да, да...»

Киновия — это монашеское поселение. И оно здесь действительно возникло на берегу озера. Что раньше: кладбище или киновия? Монахи могил не боялись, боялись обмирщения, боялись осуетиться, впасть

в многозаботливость о жизни здешней. Боялись при-
страститься к удобствам — «могу жить в скудости,
могу в богатстве», — боялись ослабить свою память
смертную. И уходили из монастырей, часто уходили в
скиты, а то и из скитов, если там становилось суетно,
уходили.

Так и это святое место, а что оно именно такое, ни у
кого не возникло сомнений — дух здесь был не просто
легкий, но какой-то светлый, что-то негаснущее стояло
в воздухе и как бы пело, может быть, молитва шла? Да,
да, здесь, видимо, не утихала молитва тех, чьи тела уже
истлели в земле, а души, привыкшие петь Бога, поют и
доныне.

Киновия воздвигла свой храм, сначала он был дере-
вянный, потом каменный. «Тут буду лежать», — сказал
наш Филиппушка, таинник московский, монах по при-
званию, отложивший свое монашество по родительско-
му слову, прошедший путь брака и все-таки вышедший
на святую дорогу ангельского чина, но уже с сыновья-
ми, снохами, супругой.

Вот образ русского смирения. И именно он ушел из
Гефсиманского скита на берег озера и лег здесь в кон-
це своего пути в приделе каменного храма на песчаном
крепком холме. И что-то всё казалось, что ходы песча-
ные под землей соединяют киновию не только с Гефси-
манским скитом, как утверждали все, а с самой Лаврой,
а может, и еще с чем...

«Храм оставленный всё храм». Подошли, и скорбь
охватила всех. «Здесь они совсем недавно служили... Да
часто, каждое, поди, воскресение, я-то у них не бывал,
но видел, шли, шли, и вот на тебе — всё разорено...»

Храм стоит как немой. Вышел навстречу людям, та-
ится, а молчит. Господи помилуй! «Вот тут, тут служи-

ли, — не может успокоиться проводник, — внизу. Там у них всё было. Да!»

Ступеньки-то рассыпались, но дверь в подвал есть, приоткрыта. Можно?

«А что ж?! И пойдем!»

Иду вниз, идем вдвоем с проводником. Ой! Ой!

Когда глаза привыкли к тьме, неполной, но со свету-то — тьме, увидели разоренный, недавно разоренный нижний храм. Подклет, полуземлянка, небольшой, как и надо монахам: скругленные стены, весь обращен к алтарю, как капля, втекающая в него. Алтарная преграда еще сохранилась, фанерная. Сколько таких фанерных иконостасов было понастроено в девяностых! А служба в них — жила, молитва, как птица, летела. И этот храм возобновлен был, наверное, в 90-х и, чувствуется, еще совсем недавно жил, но как он изодран сейчас: царские ворота — все царские — не то что открыты, сорваны с петель, болтаются — входи любой!

«Ох, да как же это все тут так стало? — проводник в недоумении, заглядывает в алтарь. — Да уж возьмите себе хоть эту икону», — снимает с внутренней стенки иконостаса икону и протягивает мне. Владимирская, Иркутская, XVII век, репродукция под разбитым стеклом. Этот образ я много раз показывала своим слушателям. Лик Богородицы — как у хакаски, и у Младенца тоже тип лица восточный какой-то, сибирский. И вот Она в простой деревянной, почему-то очень тяжелой раме, с разбитым стеклом — последняя святыня храма. Нет, конечно, не последняя, нет! Сам воздух, земля, стены — все, хоть и обезображено разором, но стоит, служит вечности.

«Да кто же это? Да как же! Насос-то поставили, я знал, тут вода стала подходить, но что так, не думал...»

На свету икона оказалась большой! Выносной. Может быть, с ней и Крестными ходами ходили. Хотя киновия называется Боголюбивая, в честь Боголюбской, а эта Владимирская...

А что сегодня за день? Число, число какое? Господи, да ведь завтра 1 июля, как раз Боголюбская. Вот почему в скиту так звонят!

Тропарь Боголюбской не вспомнился, но Богородицу, Заступнику Усердную, Царицу мою преблагую и еще другие молитвы спели не один раз. Прости! Прости! Прости!

И все-таки хотелось узнать об этом месте побольше, где было это братское кладбище, может быть, местные еще помнят, как здесь жили монахи?

— Куда! Я тут с детства живу. Камни стояли, да, а чтобы кто жил, не знаю.

Сергей вот хороший плотник, когда не пьет, скажи, где кладбище было?

— А на что вам кладбище, что ищите-то?

— Да ничего не ищем, само находится. Просто братское кладбище, то есть братии, монахов — это святыня. Не случайно сюда Филиппушка пришел. Тут, видно, молитва горячей была. А когда храм нижний открыли, много народу ходило?

— Ой, много! И часто! Я же тут живу, видел. Ходили и с крестом, и с иконами...

— А почему ж потом все прекратилось, почему? И кто храм разорил? Само так как-то не бывает.

— А кто знает! Из скита пришли, много народу было, и в этих...

— В рясах, в облачении?

— Да, да, выкопали его, унесли — и всё. Тут еще ход подземный есть, и там мыши летучие, значит, есть и другой выход.

— Может, там и еще какие-нибудь захоронения есть? Вы не ходили?

— Не искал, да и он обваливается, далеко не прой-
дешь, его вообще хотели заложить. Вроде и заложили.

Получив на руки икону, мы уже стали не просто группой паломников, а крестным ходом, который несет священную реликвию.

И пошли с ней сначала вокруг храма с пением молитв, как и положено крестному ходу. Это немного удивило хозяев. Но скромность народная легко уступает место гостю и его воле. Значит, так надо. К тому же мы представились и, по-моему, даже показали красный писательский билет, а уж красные книжечки с гербами, да еще старыми, у нас уважаются.

Икону несли по очереди. «Богородица, Дево, радуйся!» Посмотри на эту родную землю, прости ее, прости тех, кто соблазнился честью, кто устал противостоять лжи, тех, кто захотел удобной жизни здесь, здесь и теперь, и тех, кто забыл, забыл обет нестяжания и творит свою волю, как волю Божию...

«Благословенна ты в женах...» Благослови нас, держающих, ошибающихся, благослови дев и жен и пробуди мужество мужей наших. «Спаса родила еси душ наших». Спаси, спаси землю русскую, удел Твой по молитвам святых наших.

Как же нужны нашей земле крестные ходы! В них обретают единство любовь к Отцу Небесному и к нашим полям, рекам, нашим дорогам. Для русского Небесное царство не отрицание земного, но союз с ним. Не с миром и его законом, но с тем чистым тихим творением, которое мучается нашим грехом безвинно и скорбит вместе с нами.

А уж как сердцу молятся, поется в крестном ходу, как оно движется вместе с землей под ногами, как вы-

носит молитвы из себя и выдыхает их в вешний, всегда вешний воздух Руси!

Заступница Усердная! Заступи, спаси и помилуй всех очерстевших сердцами, соблаздившихся и соблазненных, побросавших свои поприща и начавших служить выгоде и наживе...

«За всех молиши Сына Твоего Христа Бога нашего и всем твориши спастися»...

Да как же уцелела киновия и в гражданскую, и в финскую, и в Отечественную! Только колокольную разбомбило, а здание всё крепко, и барабан с башенкой очень характерной сохранился, и мощи, мощи Филиппушки! Может, он-то и хранил это место? И не он один, наверное.

От братского кладбища ничего не осталось. Бурьян, какие-то обломки бетонных плит, арматура, свалка железяк... Но под ними то, что уже нельзя уничтожить, что стало землей и пребудет с нею до конца.

И все-таки разбомблённый вид здания мучает. А что на втором-то этаже храма было?

— А сдали помещение, сейчас всё ведь сдают. И что-то они там делали, вроде подушки.

— Перо брали? Вон вытяжки видно.

— Да нет, из синтетических волокон. Шарик какие-то привозили и здесь распушали.

Но здание все-таки не брошено людьми. Провода, кабели какие-то, стекла в рамах...

2009 год, семьдесят километров от Москвы... Или люди не чувствуют особенности, благодатности этого якобы заброшенного святого места?

Как здесь хорошо! Почему? Что так греет душу?

Неподалеку, через пруд, где цветники скита, кажутся, разбиты по шнурочку, где всё вылизано и кирпичи

по особой технологии полируют прямо на стенах храма, чтобы вид на открытках и фотографиях был праздничный, где пещеры таят память о несказанной любви к Богу, такой, что и солнца не нужно было душе, — там, в этой новой регулярности, дышать сердцу сейчас нечем. Строевая служба по благоустройству заповедной территории...

О, конечно, есть те, кто пытается вырваться из этих тисков гламурного порядка в жизнь духа, но жезл игуменский — в руке собрата, у которого нищета людская вызывает, кажется, лишь раздражение и досаду. О Сергей! Сергей! Твои ли сбитые ноги обошли этот холм северной Фиваиды!

Филиппушка ушел в киновию вместе со своими сыновьями и дочерьми. Новая молчаливая семья возникла через пруд от Черниговского скита. На четвертом или пятом издании жития блаженного Филиппушки появилась фотография иконы (она у нас на 4-й стороне обложки). Наверное, кто-то занимается архивом и, даст Бог, не соблазнится, напишет правду об этом святом месте: не станет утаивать «смущающее» или приписывать «надобное для духовной пользы», как сейчас нередко случается. Как будто уже не сама правда нужна, а какое-то снадобье для умов из исторических и духовных фактов — и чтоб никаких лишних образов не мелькало! Прощай, святая киновия, как не тронули тебя годы, так да не тронут наши грехи!

«Туда» всегда идем пешком, «обратно» подгадываем к автобусу, если есть. И вот через сосновый бор вышли на остановку, которая так и называется «Киновия». И вспомнился тут не столько голод, сколько продукты в сумках, оттягивающих руки. И вот, вкушаем Божьи плоды в изгаженном человеком месте.

Ко всему мы привыкли за последнее десятилетие! Что ныне способно вызвать порыв протеста, возмущения, или восторга?! Нет, восторг вызывается регулярно — гастрономический, сценический, дизайнерский — о, это что-то новенькое! А защищать родное, живое не поднимаемся. Совершенно разучились говорить «нет». Боимся! Страхом нас заставили жить только свою частную маленькую жизнь. Зашорили, застращали — и отказалась русская душа от своей широты, от того, что вмещала в себя не только род, но и народ, и землю, с которой сжилась. И мерзость запустения накрыла разом всю страну. Общественное пространство стало не местом встречи, а местом вседозволенного самоутверждения.

Найдя деревянную, не совсем сломанную лавочку на остановке, мы, жуя, разместились на ней, вытянув гудящие ноги. Мы не видели местных «художеств» у себя за спиной, просто оказались на их фоне, а перед нами, над бором, все висел в небе белый куполок кинонии, как венец какой-то, то он совсем исчезал в рассеянном свете, то вдруг — вижу, вижу опять, вон она!.. Свети!

Поездка в Троице-Сергиеву лавру 30 июня 2009 г.

Записано 15 февраля 2010 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Искусство верить. О принципах современной агиографии. Духовно-исторический подход.....	3
Дорога в никуда. Неоязычество России как онтологический феномен.....	32
Вослед Художнице. Роль искусства в деле православного воспитания.....	68
«Не сотвори свидетельства ложна!» Обсуждение фильма «Поп».....	87
Не бойтесь сказать «нет!». Фрагменты форума.....	136
Киновия Боголюбивая. Страничка из дневника.....	146

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

СУРОВА ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА, писатель, поэт, педагог, член Союза писателей России, бакалавр богословия.

Руководитель Творческого объединения «Чистые пруды» (биб-ка им. А.С. Пушкина, Москва).

Образование: 1) МГУ им. Ломоносова (журфак), 2) Православный Свято-Тихоновский богословский

институт (вып. 1994 г.).

Область деятельности: поэзия, литература, публицистика, педагогика.

Проблематика деятельности: 1) Литература и искусство как духовная составляющая жизни.

2) Методика словесного творчества. Развитие языкового сознания. 3) Проблемы творческого развития ребенка. 4) Духовное воспитание личности.

Основные труды автора:

Православная школа сегодня. Книга для учащихся и учащих. Статьи о духовном воспитании и программы для воскресных школ. Владимир: Изд. Владимирской епархии, 1996.

Церковный год. Беседы о Православии. Круг церковных праздников. Литургическое богословие. М.: Паломник, 1999.

Общая методика православной педагогики. Школа. Педагогика. Человек. Клин: Христианская жизнь, 2002.

Азбука-игра. Православная детская библиотека. Учебный комплект из 10 книг-тетрадей с приложением

для детей 3–7 лет. Развивающее обучение. 2-е изд. М.: ИП Симагин Д.В., 2016.

Мироведение. Учебные программы по духовному воспитанию и развитию детей. Клин: Христианская жизнь, 2002.

Искание высот. Сборник статей по духовному воспитанию. Клин: Христианская жизнь, 2003.

Открытый урок. Для педагогов и родителей. Статьи по духовному воспитанию. Программа «Лето Господне». Теория и практика современного духовно-ориентированного образования. 2-е изд. М.: Новый ключ, 2015.

О Библии и Церкви. Детский катехизис. Книга-альбом. Изд. Храма Ахтырской иконы Божией Матери, 2005.

О мире и человеке. Книга-альбом. Детское духовно-развивающее издание. Христианское понимание жизни. М., 2015.

Дорогою небес. Паломничество по святым местам. Педагогические рекомендации, беседы, архивные документы, впечатления. Изд. Храма Иоанна Златоуста (с. Козино, Красногорск Моск. епархии). М.: Университетская книга, 2008.

Воспитание чувства правды. Статьи по духовному воспитанию. Изд. Храма Ахтырской иконы Божией Матери, 2007.

Небезобидный хоровод. Критический очерк о практике нейролингвистического программирования в педагогическом пространстве. М.: Церковь и творчество, 2006.

А ну-ка, матушка, встань с колен! Церковно-общественная среда как формирующая сила. М., 2007.

Молитвослов для узников. М.: Изд. Храма Вознесения на Гороховом поле, 2007.

Учи молитвы, сынок. Детский молитвослов на картоне с пояснениями. 4-е изд. М.: ИП Симагин Д.В., 2018.

Учи молитвы доченька. Детский молитвослов на картоне с пояснениями. 4-е изд. М.: ИП Симагин Д.В., 2018.

Готовься к исповеди, сынок. В помощь родителям и детям, готовящимся к исповеди. 3-е изд. М.: ИП Симагин Д.В., 2018.

Готовься к исповеди, доченька. В помощь родителям и детям, готовящимся к исповеди. 3-е изд. М.: ИП Симагин Д.В., 2018.

Оглядываясь на Заповеди. Педагогическая подготовка к исповеди. 2-е изд. Владимир: Изд. Храма Казанской иконы Божией Матери, 2014.

Педагогика духовного развития. Сборник статей разных лет. Владимир: Изд. Храма Казанской иконы Божией Матери, 2014.

Живопись в храме. Альбом росписи храма Всех святых в Усть-Илимске, худ. Виктор Звягинцев и Татьяна Малюкова. Вступ. статья «Служить слову» Л. Сурова. М.: Университетская книга, 2012.

Стихиры Пасхи. Детское духовно-художественное издание. 5-е изд. М., 2015.

Рукописные молитвы. М., 2004.

Ирмосы Рождественского канона. Детское духовно-художественное издание. 3-е изд. М., 2015.

Паремии Великой Субботы. Литургическое издание на двух языках (церкслав. и рус.) с иллюстрациями. Худ. Т. Малюкова. Изд. Храма Ахтырской иконы Божией Матери, 2007.

Иоанн Златоуст — вселенский учитель. Изд. Храма Иоанна Златоуста (с. Козино, Красногорск Моск. епархии). М.: Университетская книга, 2012.

Поэзия:

Поза бегуна. Стихотворения, эссе, литературный дневник, статьи. М.: Наука, 2000.

Прогулки по воде. Новые стихотворения. М.: Академия поэзии, 2002.

Так горяча. Балаганчик. Новые стихи. М.: Академия поэзии, 2005 г.

Альманах «Чистые пруды». Поэзия. Искусство. Жизнь. Литературно-художественный сборник. М.: Московский литфонд, 2006.

Слова и звуки. Короткие стихи. М.: Издательский дом «Университет», 2011.

Радонец-сад. Новые стихотворения. М.: Университетская книга, 2009.

Деревьев лесá. Стихи и эссе. М., 2014.

ЛетоОсеньКрымДонбасс. Цикл стихотворений. М., 2015.

Люби меня, Господь. Цикл стихотворений. М.: Изд. ИП Симагин Д. В., 2017.

Сурова Людмила Васильевна

Искусство верить

Христианство и жизнь

Статьи 2010–2017 гг.

Корректор Ольга Саратовцева

Макет, верстка Ирина Тагунова

Издатель ИП Смагин Д.В.

127238, Москва, Дмитровское ш., дом 52, кор. 2

т. 8(915)180-5355

Тираж 2000 экз.

М. 2018